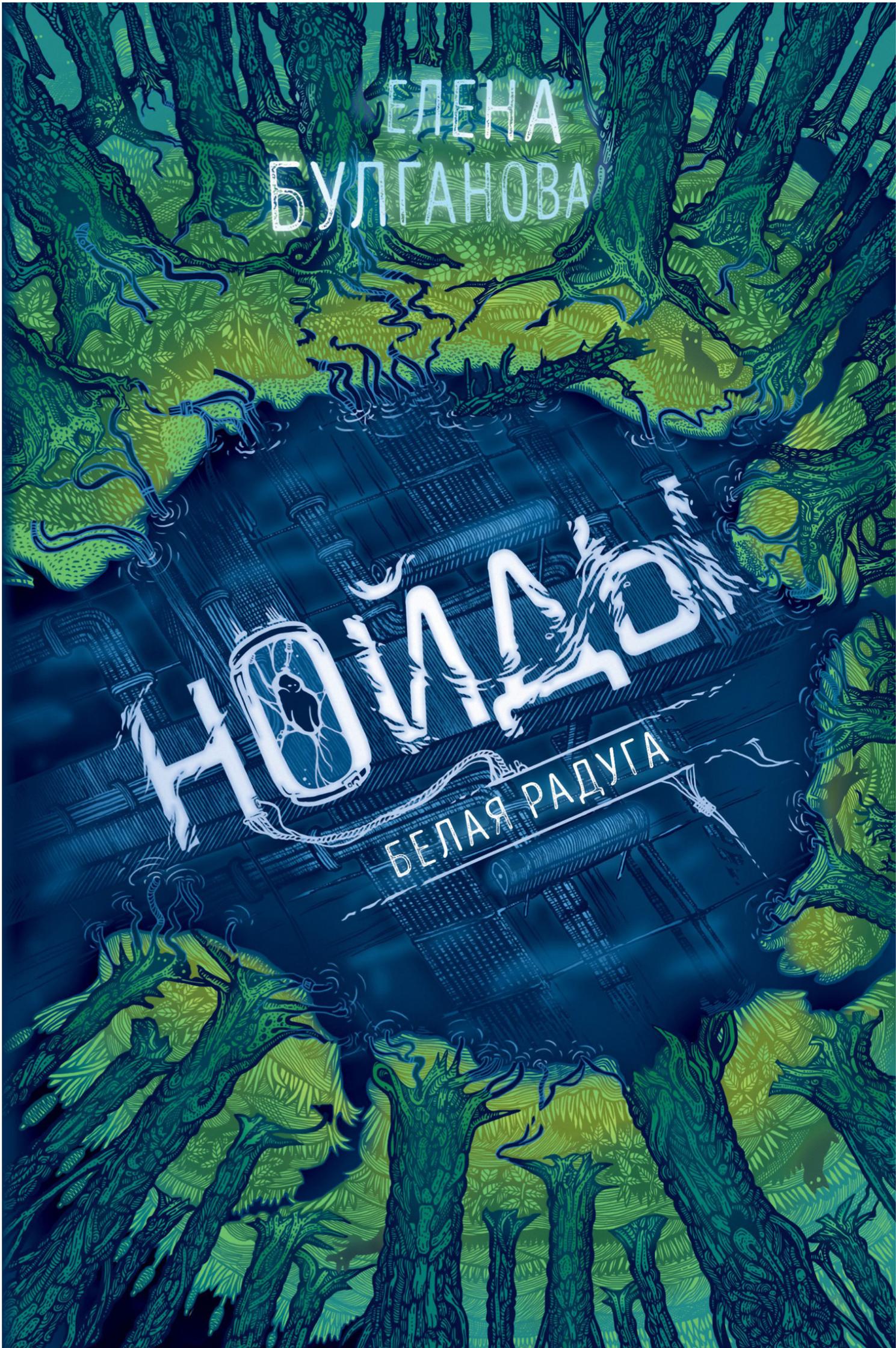

ЕЛЕНА
БУЛГАНОВА

НОМЛО

БЕЛАЯ РАДУГА

Нойды

Елена Булганова

Нойды. Белая радуга

«РОСМЭН»

2022

Булганова Е. Д.

Нойды. Белая радуга / Е. Д. Булганова — «Росмэн»,
2022 — (Нойды)

ISBN 978-5-353-10130-7

Новая, полная тайн серия от автора бестселлеров «Инсомния» и «Навия» Елены Булгановой. Необъяснимое происшествие нарушает покой тихого городка. В течение недели в парке каждое утро загадочным образом появляется по ребенку. Это странные дети, не умеющие говорить, но издающие птичий клекот и звериный вой. Тайна найденшей остается неразгаданной, но прикоснувшиеся к ней Эдик Редкий и его друзья решают отслеживать судьбы этих малышей, которых приемные семьи развезли по разным городам. А через десять лет удивительная случайность – или не случайность? – вновь сводит найденшей в том же самом городке и даже в одной школе. Вокруг них сразу закручиваются необычные события. Найденши непохожи на других детей. Что с ними не так? Этот вопрос волнует не только Эдика, но еще многих людей, включая сотрудников скрытого глубоко под землей Института...

ISBN 978-5-353-10130-7

© Булганова Е. Д., 2022

© Росмэн, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Булганова

Нойды. Белая радуга

*Посвящается моему родному городу, в котором может случиться
– и случается иногда – даже самое невероятное*

*«Когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно
постигнет их пагуба» (1 Фес. 5:3).*

© Елена Булганова, текст, 2022

© ООО «РОСМЭН», 2022

Глава 1

Тревожный понедельник

Если судьба и посылала знак, что намерена вот-вот заложить крутой вираж, то Эдуард его проморгал – был слишком занят в клубе с друзьями. На прощальную вечеринку собрались бывшие школьные товарищи, их совсем скоро ждали институты.

А утро того дня, который все изменил, было ласковое, тихое, розово-голубое. Шло на убыль лето, начиналась последняя неделя августа. В половине шестого вчерашний школьник, а ныне охранник городского парка Эдуард Редкий мчался на работу через пустынный город, пытаясь выдать спешку за пробежку. Вот только бег трусцой плохо сочетался с лаковыми ботинками, светлым летним костюмом с укороченными брюками и белой рубашкой в синий горох.

Он только что выскочил из маршрутки, ходившей между его городком и Санкт-Петербургом. Для Эдика вольница этим летом даже не начиналась: к работе он приступил уже через день после последнего экзамена. Но приятелям ничего рассказывать не стал, лишь туманно намекнул, что откладывает учебу на год по архиважной причине. Юные олухи почему-то решили, что он собирается жениться, и приколам на эту тему посвятили почти всю ночь. Но лучше уж так, чем грустная и совсем непригодная для шуток правда.

Он бежал и заранее настраивал себя на то, чтобы продержаться бодрчком до конца рабочего дня. Иначе говоря, до десяти вечера, когда закроются ворота по всему периметру парка. Его организм скоро затребует хоть толику сна, это проверено. До десяти вечера спать нельзя, а потом – пожалуйста, хоть в кусты перед оградой парка падай и засыпай, благо ночи пока теплые.

Но до того времени нельзя совершить ни единой ошибки, чтобы не дать старому, вредному, пакостно-придирчивому напарнику Ильдару повод снова наябедничать на него начальству. Работа ему необходима. Но напарник по прозвищу Злыдень желает всем доказать, будто служба в охране противопоказана тем, кто младше пятидесяти.

Редкий не пил, алкоголя даже в рот не брал – хватило единственного раза в средней школе, когда едва остался жив, зато опозорился по полной. Тут к нему не придаться, хотя Ильдар наверняка не раз обнюхает его втихаря своим крючковатым желтым носом. Но это пускай. Эдик твердо пообещал себе ни на секунду не закрывать глаза, особенно когда настанет его очередь следить за мониторами.

Он успел! Даже с запасом прибежал. Своими ключами отпер ворота и сторожку, а напарника еще и не видать. Теперь следовало понадежнее спрятать клубную одежду и натянуть ту, что была заранее приготовлена на смену: черные джинсы, немаркая рубашка, а поверх – рабочая куртка с эмблемой охранного предприятия, пока еще легкая, летняя.

И все, он готов, а напарника нет, и парк официально закрыт. Едва подумав об этом, Редкий зевнул так, что едва не вывихнул челюсть. Покосился на такое удобное офисное кресло по центру маленького, стилизованного под старину домика с тремя обзорными окнами. Нет, нельзя поддаваться искушению. К тому же у него есть дело, и дело приятное, любимое. А у озера влажный ветерок разом разгонит сонливость.

Он включил чайник, но до кипения доводить не стал. Чашки и банки с кофе и сахаром на приставном столике у сплошной стены расставил так, чтобы сразу было видно: он тут отмечен и отбыл, само собой, на осмотр территории. К выходу всякий раз приходилось протискиваться между углом стола и вешалкой, а в простенке у самой двери Злыдень привесил квадратное зеркало – чтобы перед гуляющей в парке публикой блюсти приличный внешний вид. Эдуард, шастая весь день туда и сюда, чаще сбивал его плечом, чем в него смотрелся. А вот на этот раз зачем-то заглянул. И уже спрыгнул с невысокого порога, как вдруг замер, пораженный: «Эй, кого это я там увидел?»

Вроде бы себя, но какого-то не такого. Уже совсем взрослого, буйные русые кудри коротко подстрижены и зачесаны назад, лицо напряженное, хмурое и бледное. И почему-то видна только правая часть лица, левая подернута какой-то мутью. А правый глаз смотрит так тревожно, словно предупредить безмолвно о чем-то пытается.

Вернулся, проверил – нет, померещилось, конечно. На этот раз зеркало послушно отразило круглое румяное лицо, правильные крупноватые черты и веселые фисташковые глаза. Просто не мешало бы при случае пыль согнать с зеркальной поверхности.

Озеро в этот ранний час дымилось, как чашка чая. Эдуард заранее волновался, словно на свидание спешил. Никто из живущих на Земле не был в курсе, что именно он создал в контакте сообщество «Гатчинские утки-лебеди». Еще прежде того ужасного случая создал, когда свора одичавших псов загрызла лебедушку, сидящую на яйцах. После происшествия количество подписчиков умножилось в разы, вот только сам Редкий в группу пару недель не мог зайти. Да что там, он есть и спать не мог, так переживал. Одно яйцо удалось спасти, из него в инкубаторе вылупился птенец и был принят на воспитание папашей-вдовцом.

Теперь, год спустя, белоснежные птицы выглядели для стороннего человека одинаковыми, но Эдик с закрытыми глазами мог различить их хоть по горловому ласковому гуканью, хоть по грозному шипению. Утром лебеди любили выбраться на врезанный в озеро островок, похожий на кусок торта, всегда в первую очередь прогреваемый солнечными лучами. Степенно расхаживали между клумбами, чем-то угощались с земли, сушили перья. Снимки в это время суток получались самые лучшие.

Редкий многое прощал своей работе в охране за возможность вот так с утра заснять на телефон лебединое семейство и тут же разместить в группе. Казалось ему, что есть кто-то еще, хотя бы один человек, кто каждое утро спешит убедиться, что с птицами все в порядке, и только после этого счастливо переводит дух.

Вдруг он споткнулся на ровном месте и тяжело задышал от волнения: на озере творилось что-то тревожное. Он слышал вопли десятков птичьих глоток, а взбежав на горбатый мостик, который соединял островок с сушей, разглядел, как старший лебедь Князь Серебряный в паре

метров от берега возбужденно крутит головой и оттопыренным крылом прикрывает сына. Утки суетливыми торпедами уносились в разные стороны.

«Неужели опять собаки?» – Эдик рванул вперед, на бегу взглядом выискивая камень побольше. Собак он в целом любил, но сейчас готов был вступить с ними в беспощадную битву.

Перемахнул с запасом гряды подстриженных кустов, вылетел на берег, огляделся, но все было спокойно. Никаких собак на островке, носящем название «остров Дружбы», не наблюдалось. Да и Серебряный вроде успокоился, хотя наследника все еще защищал крылом. Это был чудесный кадр, и Эдик поскорее выхватил телефон, навел на птиц, примерился так и этак, чтобы вода не бликовала. Нажал – и получил идеальное фото того места, где лебеди только что были, плюс краешки их хвостов.

– «Шов идеальный, но пациент скончался», – процитировал Редкий какой-то старый фильм. Ладно, с прикольным комментарием и хвосты пройдут на ура, главное, что на озере все в порядке. Он еще побродил туда-сюда по узкой каменной пристани, заснял на видео пару разъяренных уток, которые чуть в сторонке затеяли шумную разборку с крупной вальняжной чайкой. Утки выпрыгивали из воды и орали, чайка презрительно взирала на них то правым, то левым глазом и издавала звуки, сильно смахивающие на хохот. Потом от россыпи солнечных бликов на воде заслезились глаза, и он повернулся к озеру спиной, размышляя над текстом комментария.

В этот момент он и заметил что-то краем глаза за высаженными вдоль берега кустами снежников. Кусты были густо усыпаны белыми ягодами, их Эдик с детства привык считать ядовитыми, волчьими и пацаном давил подошвами – ягоды знатно цокали. Однако сейчас за кустами, у самой кромки воды, притаилось нечто, тоже матово-белое, но куда крупнее самого большого соцветия.

В первый миг Эдуарду показалось, что какой-то шутник утащил мраморную статую Марса или Афины с террасы парка и засунул в кусты. Он даже снова взялся за телефон, готовый заснять злодеяние, а потом связаться с полицией. Свободной рукой раздвинул кусты – и охнул от ужаса. Не статуя, а ребенок лежал за кустами, обняв руками колени.

Маленький, лет шести, абсолютно голый, он не проявлял признаков жизни. Редкому захотелось немедленно оказаться за воротами парка. Запереть их и прийти после начала смены, лучше к обеду, к тому времени ребенка уж кто-нибудь да обнаружит. Но только не он, потому что ему не хватит духу даже прикоснуться к неподвижному тельцу.

Но тут куст заходил ходуном, потому что малыш шевельнулся и запутался в ветках ногами. Попытался принять сидячее положение, но не смог. Лицо ребенка было обращено к озеру, где снова возник белоснежный силуэт – это Князь Серебряный, уведя в безопасное место сына, вернулся, чтобы окончательно разобраться в ситуации. Он кружил по воде, постепенно приближаясь к островку. Ребенок сел на корточки, весь вытянулся в сторону птицы, повел головой из стороны в сторону, и вдруг жутковатый звук, сильно смахивающий на орлиный клекот, слетел с его губ. Лебедь нисколько не испугался, зато у Редкого ноги размякли, как кисель.

Но нужно было что-то делать, и Эдик, собрав все свое мужество, пробился через куст и подхватил ребенка на руки. Очень вовремя – тот едва не свалился в озеро, в котором, видно, уже побывал прежде, – каштановые, довольно длинные волосы мальчика были влажными и спутанными. Малыш, не ожидавший нападения сзади, забился так, что Редкий едва его не уронил, и оглушил новой порцией диких звуков – на этот раз протяжным воем вперемешку с вроде как кудахтаньем. Эдуард выполз из куста на свою прежнюю позицию и здесь, чтобы удобнее было перехватить, поставил ребенка на траву.

Теперь охранник хорошо мог разглядеть мальчика, который трясся крупной дрожью и едва удерживался на ножках. Малыш волновался, вертел головой и прижимал к ушам перемазанные ладони, но бежать не пытался. Редкий сорвал с себя куртку и закутал в нее найденыша,

потом снова поднял на руки. Мальчик больше не издавал никаких звуков, только смотрел в его лицо тревожно, не мигая. И дрожал все сильнее, уже не от холода – от страха. Ноги ниже колен – на них не хватило куртки – были вымазаны тиной, и левая стопа торчала как-то странно, похоже, из-за нее малыш и не мог толком стоять.

– Не бойся, не бойся, мальчишечка, – бормотал Редкий, сам испуганный не меньше найденыша, и то несся к сторожке крупными прыжками, то переходил на шаг, чтобы не растрясти малыша.

Мальчик все смотрел ему в лицо своим странным взглядом – взглядом животного, которое оказалось в руках человека, знает, что вырваться бесполезно, и смиренно ждет разрешения своей участи.

В бытовке Эдуард пристроил ребенка на стол, и тот немедленно сел и сжался в комочек. Куртка свалилась, и тут только заметил охранник, что под правой подмышкой у найденыша что-то зажато. Какая-то деревяшка, что ли. Редкий попытался ее осторожно вытянуть, но мальчик издал предупреждающее рычание, отпрянул и повалился на бок, защищая свое имущество. Но упал не слишком ловко, штурковину выбило при соприкосновении со столом, а Эдик подхватил ее и внимательно оглядел со всех сторон.

Это была вручную вырезанная из дерева не то собачка, не то лошадка. Хотя приклеенный хвост скорее указывал на второе и был собран из тонких разноцветных волос. У существа даже уши имелись... странные какие-то. Редкий пригляделся и сообразил, что роль ушей играли два детских зуба. Впрочем, опасной игрушка не выглядела, так что Эдик не стал ею больше заниматься, вернул мальчику, а сам вызвал наконец полицию.

Парк в тот день так и не открылся для посетителей, а большую часть охранников на подходе к месту работы завернули в обратном направлении. Разбросанные по парку сторожки заняли полицейские, они просматривали записи видеокамер и приглашали к себе для беседы работников парковой администрации. Эдуарда гоняли от одного полицейского начальника к другому до самого обеда, так что он скоро со счета сбился, а историю начал рассказывать вяло и замедленно, словно уже не был уверен, так ли все было на самом деле.

Но уходить домой не хотел, понимал, что нигде не найдет сегодня покоя. В каждом новом вопросе для него имелся лишь один интерес: вытянуть хоть какие-то сведения о найденыше, которого почти сразу увезли на скорой. Однако все вопросы Редкого непостижимым образом улетали в пространство, словно задавал он их на неких частотах, к которым уши его вежливых собеседников были абсолютно невосприимчивы. А потом ему и вовсе предложили покинуть территорию парка, нанеся этим последний сокрушительный удар.

Он специально пошел на выход через самые дальние ворота, хотел посмотреть, что творится в парке. И тут юному охраннику невероятно повезло: на цветочной горке он заметил кого-то смутно знакомого. Человек лет двадцати со стрижкой ежиком, сутулой спиной и непомерно худыми конечностями стоял на самой верхушке, словно полководец перед боем. Его голова на тощей длинной шее вращалась, как перископ, фиксируя каждую деталь ландшафта. Эдуард взбежал на первую террасу горки и крикнул:

– Антоха! Ты тут откуда взялся?

Через пару секунд они уже пожимали друг другу руки и торопливо обменивались информацией. Антон был старше на пять лет, выглядел на фоне почти двухметрового статного Эдуарда хилым подростком, хотя в росте не слишком ему проигрывал. Держался он задумчиво-отстраненно, как и положено почти выпускнику юрфака. Он поведал, что проходит летнюю практику в городской прокуратуре и в парк его вызвали в качестве подкрепления, но он-то сразу смекнул: именно ему, человеку с ясным взглядом, суждено распутать это жуткое и загадочное дело.

Парни познакомились год назад в городской библиотеке на заседании клуба редких фамилий. Эдик туда случайно попал: обменивал книги на абонементе, и библиотекарша, гля-

нув в его билет, хитро улыбнулась и посоветовала завернуть в соседний зал. Там он плюхнулся на ближайший к выходу стул рядом с насупленным типом, который сердито вздыхал и порывался сбежать. Но его крепко держала за рукав свитера симпатичная девушка со стрижкой «под Клеопатру»: черные волосы до плеч и густая челка по прямые длинные брови. Глаза у девушки были неожиданно ярко-голубые, лучистые.

Эдик все косился и косился на нее через соседа, пока тот яростным шепотом не предложил выйти всем вместе из зала. Но драки не случилось – сердитый парень просто нашел повод убраться прочь, пока не подошла его очередь рассказывать о своей фамилии. Через минуту Редкий уже держался за живот и хохотал на всю библиотеку под испепеляющим взглядом Антона, фамилия которого была Кинебомба.

А девушка оказалась одноклассницей сестры Антона, она встретила его по пути сюда и прихватила за компанию. Звали ее Элла Котенок. Поняв, что возвращения не будет, она на минуту юркнула в зал, а когда появилась вновь, Эдик резко прекратил смеяться и захлопал ресницами, потому что рядом с девушкой шла ее точная копия, только темные волосы были сколоты в какую-то шишку на затылке.

По дороге сестра-близняшка Эллы Инна отселилась по неотложным делам, а Элла отправилась вместе с ними. Оказалось, что Эдик и Антон проживают в домах напротив. С тех пор они время от времени встречались и болтали во дворе, где Кинебомба выгуливал пса Плевако, явно упустившего свой шанс сыграть в кино собаку Баскервилей. Жуткого вида дог к хозяину относился бережно и с пониманием, никогда не натягивал поводок и не уводил своего человека на улицу, где, по мнению пса, его шаткой костлявой фигуре могли угрожать порывы ветра или людские толпы. А вот повидать вечно спешащую Эллу – она училась в языковой школе да еще посещала с десяток кружков и секций – и тем более перекинуться с ней хоть парой слов удавалось редко, как Эдик ни старался.

И вот теперь, давясь словами от волнения, Эдуард доложил приятелю, каким боком замешан в историю, и несолидно запрыгал на месте, как дошкольник, топча солнечные бархатцы, когда узнал, что тот только что из больницы – присутствовал при осмотре мальчика.

– И что? – спросил, внутренне содрогаясь, Редкий. – И что же?

Кинебомба выразительно развел тонкими, как плети, руками – официальный пиджак он скинул раньше и остался в рубашке с короткими рукавами.

– Там пока сплошные загадки. Но главное, что мальчик относительно здоров и следов повреждений, побоев, издевательств не обнаружено.

Эдуард шумно выдохнул от облегчения.

– Прививки не сделаны. Врачи склоняются к мнению, что ему шесть или семь лет, – методично перечислял будущий юрист. – Судя по состоянию кожи, все время находился в закрытом помещении. На людей реагирует с большой опаской, но и с любопытством, будто никогда их прежде не видел. А между тем волосы подстрижены, и ногти тоже. В пижамке, которую на него с трудом натянули, корчится и пытается от нее освободиться, значит, к одежде не привык. На игрушки не реагирует, зато штуку, что была при нем, никак не хотел отдавать, рычал и пробовал кусаться. Звуки издает только нечеловеческие: клекот, шипение, а один раз завыл так, что врач, осматривавший его, сам потом нуждался в помощи. Это ортопед был, кстати – у ребенка врожденный вывих стопы. Обычно такие травмы залечивают почти сразу после рождения, но тут никто этим не занимался.

– Найдут того, кто такое с ним сотворил? – незаметно сжимая кулаки, спросил Эдик.

– Будем пытаться. – Антон выпрямил сутулую спину с самым решительным выражением лица. – Так, некогда мне болтать, побегу погляжу, вдруг у озера что нашли. А потом будем камеры шерстить, возможно, ребенка принесли еще вечером, до закрытия парка.

– Да неужели он всю ночь там провел? – ахнул Редкий. – А почему мокрый был?

– Ну мог к озеру подойти, хотел напиться и свалился в воду.

– Сволочи! Попадутся – своими руками придушу! – заорал Эдуард, ощущая в себе клочущую ярость, которая была ему совсем не свойственна. – Слушай, а ведь в парк и другие проходы имеются, помимо калиток.

– В курсе. Недоработка охраны это называется, – заметил в пространство будущий юрист.

– Не наша, а парковых рабочих! Народ ограду гнет и ломает там, где кому захочется в парк зайти, наши не успевают латать. Мое мнение, что малыша принесли ночью.

– Да, могли и ночью, и это проблема, – нахмурил смешные, растущие отдельными кустиками брови Антон. – Ну бывай, побежал я.

А Эдуард наконец отправился домой. Матери, вышедшей встречать и заранее сочувственно качавшей головой, – она не ждала от работы сына ничего хорошего – сообщил, что парк сегодня закрыт, но без подробностей. Проведал отца – тот уже вставал помаленьку и сейчас сидел, закутанный в одеяло, в кресле, с подносом на коленях. Сыну улыбнулся виновато – отец очень переживал, что из-за его инсульта, неожиданного, как удар молнии среди ясного неба, тот не поступил в институт, потерял год, и это в лучшем случае. Ну хоть армия Редкому не грозила – он с детства неважно слышал одним ухом. Прежде отец был стремительный и громкоголосый, а теперь почти не раскрывал рта, и Эдику казалось, что в их доме поселился чужой человек, который только прикидывается его родителем.

Он спросил мать, не говорили ли в новостях что-то неожиданное про их город. У матери от любопытства разгладилось и помолодело лицо, но он рассказывать ничего не стал – на последнем допросе ему всучили на подпись бумагу о неразглашении. В интернете тоже ничего не нашлось. Лег поспать, но сон не шел, только промаялся несколько часов. С шести вечера Редкий занял пост у окна, нетерпеливо ожидая, что вот сейчас выйдет из подъезда величавый Плевако и внимательно обозрит окрестности, сканируя мельчайшую опасность для своего хрупкого человека. Плевако вышел в половине седьмого, но сопровождала его в этот раз сестра Антона, девочка лет четырнадцати, имени которой Эдик не знал. Была она, кстати, куда крепче сбита, чем ее брат, вот и пес не особо с ней осторожничал, в темпе утянул со двора в сторону рощи.

Глава 2

Непокорная тень

Во вторник отца нужно было взять на осмотр, это отняло у Редкого и его матери все нервы и силы, а приятель так и не появился во дворе. На рабочий пост Эдик должен был заступить только утром в четверг. Однако на рассвете среды ему впервые звякнул на мобильный его занудный напарник и задыхающимся голосом – Эдуард даже испугался, не на подходе ли у него сердечный приступ, – сообщил шокирующую новость.

На территорию Редкий просочился через один из пропилов в решетке. Шести еще не было, да и парк наверняка не планировали открывать после нового происшествия. Прячась за деревьями, пробежал до сторожки. Там схватил свою форменную куртку, едва попал в рукава, с удивлением осознав, что трясется как в лихорадке.

Парк кишел полицией, никто ни на кого не обращал внимания. У озера разбивали палатки хмурые люди в черных гидрокостюмах. На газонах, вчера еще неприкосновенных, стояли машины с прицепами, из них на берег переносили водолазное снаряжение. Другие люди у воды проводили какие-то замеры и разглядывали карту, такую большую, что ее держали на растяжку два парня, наверное, тоже чьи-то стажеры.

У озера он нашел Антона, бледного, изможденного и еще больше исхудавшего, если такое было возможно. Тот говорил по телефону и поочередно пытался вытащить ботинки из болота, в которое превратился вчера еще зеленый берег озера. Кинбомба приятеля сперва не узнал – или очень постарался не узнать, – но Эдуард не дал ему шанса сбежать, лично перегордив дорогу. Стажер врезался костлявым плечом в его грудь, немного отрикошетил, но стал сговорчивее.

– Только между нами. Патруль – не ваши, тут полицейские свои посты обе ночи выставляли – обнаружил малышку, и снова на берегу озера, – озираясь, торопливым шепотком сообщил он. – Ее уже увезли на скорой. Надеюсь, спасут.

– Что с ней? – похолодел Эдик.

– Лежала у самой воды. Не здесь, – замотал он головой, увидав, как Редкий обшаривает глазами берег Белого озера. – На острове. – Взмах рукой в сторону небольшого и почти ушедшего под воду островка с двумя чахлыми березками, растущими в виде буквы V. – Один из патрульных оказался просто герой, все твердил другим, мол, чего это над островком чайки с воронами носятся и орут. В конце концов, взяли катамаран с причала, сплавали и нашли ее. Думаю, птичье племя было не прочь закусить, только и ждали, когда шевелиться перестанет. Голая, как тот пацан.

– Господи...

– Ага. Сегодня будут озеро обследовать. От начальства из Питера и так уже прилетело, что не сделали этого сразу, а уж если кого найдут...

– Да как же найдут, – усомнился Редкий. – Они что, думают, у этих детей цель была такая – утопиться?

– Их, может, и не спрашивал никто, – хмуро процедил Кинебомба.

Тут только до Эдуарда дошло.

– Так ты считаешь... кто-то ребят в озеро... а эти двое выбраться сумели, так?

Он вцепился в плечо приятеля. Тот коротким кивком подтвердил правильность догадки.

– Но тогда и девочка на островке с понедельника еще, что ли? Неужели не заметили? Туда ведь с лодок народ вечно высаживается.

– Парк был закрыт, – напомнил Антон. – А осматривать островки и в голову никому не поступало. Она могла забиться в кусты, а выползла водички попить, и не хватило сил уползти обратно. Что, собственно, ее и спасло.

– Узнать бы, как она.

Эдик с надеждой глянул на грудь друга – из кармана рубашки выглядывал краешком и пускал зайчики ему в глаз мобильник.

– А я сейчас туда еду, – пожал плечами и весь как-то покорежился Кинебомба. – Буду там торчать для вида, чтобы врачи не расслаблялись. А уж после обеда начальство подтянется.

– Можно с тобой? – взмолился Эдуард.

– Слушай, не думаю...

– Да я не помешаю, клянусь! Встану, где скажешь, рта не раскрою. Мне бы только узнать, что да как.

– С чего это? – удивился и даже чуточку подозрительно сощурился Антон.

– Трудно объяснить, только после первого найденыша в груди все, понимаешь, ноет и переворачивается. – Эдуард беспорядочно помахал руками перед носом приятеля, изображая то, что творилось у него между ребрами.

– Ладно, – подумав чуточку, с важным видом разрешил будущий юрист. – Только будешь моей тенью, понял? Чтобы никто даже не заметил, что нас там двое. Сумеешь?

– Запросто! – горячо заверил Редкий, успев про себя подумать, что проблематично тощему, узкому Антону заполучить такую крупную и плечистую тень.

Машины практиканту пока не полагалось, и на проспекте они поймали такси. Полицейского транспорта вдоль паркового забора собралось пруд пруди, и на них, прошедших через ворота, прохожие смотрели во все глаза, как на инопланетян. Редкий и без того знал, что вокруг неожиданного закрытия парка уже ходят самые фантастические слухи, от бомбы со времен войны в подвалах дворца до массового не то убийства, не то самоубийства на берегу Белого озера.

– Слушай, а что Понедельник? Знаешь что-то про него? – спросил он по пути.

– Кто?! – не понял Антон.

– Ну мальчонка, которого я нашел. Я его так про себя зову, по дню находки.

– А, он тоже там, в городской, – важно покивал головой приятель. – Ух ты, из-за малышки начисто забыл про него. А так-то вчера и позавчера только им все и занимались. Проверили

горы заявлений об исчезновении детей по нашей стране и по ближнему зарубежью за шесть, даже за семь на всякий случай лет. Ничего похожего. Пацан приметный, стопа вывернута от рождения. Но никто его не ищет.

– А что потом с ним будет? – не отставал Редкий, чувствуя, как тяжело бухает сердце за футболкой. Даже покосился на грудь – не заметны ли сердечные фортели со стороны. – Ну если родителей не найдут?

Кинебомба рассеянно подергал тощими плечами, сначала одним, потом другим:

– Ну подержат в больнице, типа на карантине, обследуют вдоль и поперек. Ножку начнут лечить, хотя теперь трудно дело поправить. А потом переведут в какое-нибудь специальное заведение.

– А усыновить его ведь можно будет? – выпалил Эдуард, да с таким чувством, что даже водитель на них оглянулся.

– Тихо ты! – сверкая глазами, прошипел Антон. – За голосищем следи, он у тебя как из пушки. Какое усыновление, ты чего? Про детей-маугли слышал?

– Ну допустим.

– Так он такой и есть. Будут с ним специалисты работать, чтобы хоть как-то подогнать под общие рамочки.

– А неспециалисты разве не могут подогнать? Его же просто научить всему нужно, как грудного.

Кинебомба задумался, потом развернулся к нему всем корпусом, вытаращил глубоко посаженные серые глаза:

– Ты, что ли, усыновить его хочешь? Совсем свихнулся?

– Почему свихнулся, мне восемнадцать уже есть... скоро, – обиделся Эдуард. – А вообще у нас мама всегда хотела еще детей, но как-то не вышло. Они могли бы на себя с отцом оформить, усыновить. А я бы занимался, возил его на консультации, лечил, обучал всему.

– У тебя же отец после инсульта.

– Выкарабкивается уже! – снова повысил голос Редкий. – А потом, он сейчас целыми днями читает вслух, и каждый абзац еще и пересказывает, чтобы, ну быстрее речь вернуть и память. Малыш с ним рядом сидел бы и учился...

Ему казалось очевидным делом, что Понедельнику в его квартире будет хорошо, всяко лучше, чем в каком-то «заведении». Но Антон лишь рукой махнул как-то очень обидно, так что Редкий заткнулся и мрачно изучал свои колени до самого больничного шлагбаума.

В главном больничном корпусе Антон кратко и значительно переговорил с охранником на вахте, после чего они без помех поднялись на пятый этаж на древнем лифте, в котором двери нужно было закрывать вручную. Выгрузились на унылую, похожую на дно гранитного колодца площадку, с которой две белые двери друг против друга вели в отделения и на которой пыльная лампа тускло светила где-то очень высоко в тщетной попытке разогнать полутьму.

Но площадка не пустовала. По ней метался от стены к стене тщедушный человек с телефоном в руках и всякий раз едва не утыкался в стену своим выдающимся тонким носом, похожим на лыжный трамплин, так что Эдику даже стало интересно понаблюдать: врежется или нет. Человек вопил в трубку, захлебываясь словами, будто тонул и из последних сил, изредка выныривая, призывал спасателей. На нем был белый халат, на продолговатой голове, напоминающей формой тыкву, – надвинутая по брови шапочка врача.

– Ты уже собралась?! – выкрикивал он. – Ну что же так долго, Анечка? Такси я уже вызвал... нет, не уедет, дождется. Нет, не схожу с ума, просто очень взволнован! Думал, вы уже подъезжаете, да, да! Да, именно с Викусей, обязательно! Ничего не подхватит, просто маску на нее надень и с рук не спускай! Ты поймешь сама, что за спешность, только поторопись, Анюта!..

Антон и Эдуард со всеми предосторожностями обогнули с разных сторон буйного доктора и прошли налево. Прочная дверь отрезала заполосный голос, а в отделении шуму хватало

и так: было время завтрака. Сновали туда-сюда санитарки с железными столиками на колесах, шаркали по коридору сонные и угрюмые больные.

Молоденькая медсестра с возмущенным лицом, разведя в стороны руки, бросилась им наперерез, но, увидев документы Кинебомбы, сразу подобрела и вызвалась их проводить. Через отделение они прошли в дальний, надежно спрятанный от докучливых посетителей коридор, где были административные кабинеты. В одном из них, за черным матовым столом, стиснутый со всех сторон стопками документов, говорил по стационарному телефону, точнее, слушал массивный главврач. Гостей приветствовал безмолвно, выставив в улыбке пугающе крупные зубы. Потом сказал в трубку мрачным до невозможности голосом:

– Ну добре.

Положил трубку, всем своим видом показывая, что он полностью в распоряжении визитеров. Видно, с Антоном был уже знаком.

– Как она? – тут же спросил Кинебомба.

Главврач величаво кивнул головой, давая понять, что уточнять вопрос не нужно.

– Девочку уже осмотрели, хотя это оказалось не самым простым делом. Ну что могу сказать? Годика четыре ей. Относительно здоровая малышка.

– Как понять? – напрягся Антон.

– А как если бы ребенок родился здоровым, но был отправлен беспечными родителями в глухую деревню под надзор древней бабки, которая все болячки лечит соком алоэ и куриным пометом. Есть проблемы с желудком, диатез в слабой форме, анемия. Но это все цветочки по сравнению с психическим состоянием. Ее все пугает: люди, предметы, темнота и свет. Из предметов узнает только ложку, детский горшок, стул. Похоже, ее с самого рождения держали в изоляции. В темноте становится беспокойна, встает на ножки, прислушивается и словно ждет чего-то. Да, и еще издает животные звуки. Одежду с трудом на себе терпит, но не срывает – просто не знает, как это сделать, потому что никогда с ней дела не имела. Судя по кожным покровам, до этого всегда ходила нагишом. Мы в порядке эксперимента оставили ее одну при свете: свернулась на полу в комочек и начала тихонечко подвывать.

Эдуард бурно задышал. Хотелось заорать или что-то швырнуть о стену, но он поклялся быть тенью, а тени так себя не ведут.

– Вы думаете, она могла выбраться самостоятельно из озера и двое суток провести на острове? – спохватился, вспомнил о главном бледный больше обыкновения Кинебомба.

Главврач коротко мотнул головой и позволил себе снисходительный оскал в адрес полицейских недотеп:

– Нет, исключено. То есть выжить она могла – детский организм вынослив, но клиническая картина была бы совсем другая. Не стану вдаваться в подробности, довольно и того, что девочка поела примерно часа за четыре до того, как была обнаружена и доставлена сюда. А поскольку ее еще в машине стошнило от страха, могу сказать, что она ела: овсяную кашку на молоке.

Антон почему-то вздрогнул и ушел в себя, забыв про собеседника. Главврач наблюдал за ним со снисходительным любопытством. Эдуард снова забыл, что он тень, и нервно задвигался. Даже он понимал немыслимость ситуации: в охраняемом парке кто-то повторил трюк с ребенком, да еще завез его на остров, наверняка свистнув лодку у причала.

– Людей боится всех без разбора, – не дождавшись новых вопросов от деморализованной аудитории, продолжил рассказ главврач. – Нам пришлось выделить для нее одно из подсобных помещений без окон и заставить кровать ширмами. Впрочем, кровати она тоже боится. И ширм.

Тут Кинебомба сумел совладать с собой.

– Вы думаете, страх вызван тем, что люди поступали с ней жестоко?

Очередной энергичный мах головой:

– Следов побоев, издевательств мы не обнаружили. Есть синяки и ссадины, но они, риску предположить, получены уже в парке, когда она пыталась в панике хоть куда-то забиться. Похоже, девочка просто никогда не видела людей и не слышала их голосов. Я не утверждал бы так категорично, если бы не прежде доставленный мальчуган. Он в целом ведет себя по той же схеме, но чуточку отважнее. Думаю, не будет так уж неуместно провести аналогию с кошачьим выводком, который мама-кошка воспитала глубоко в подвале, а потом их обнаружили люди и вынесли на свет божий. Те котята, что посмелее, приглядываются и приносятся к людям. Да, шарахаются, напряжены, но в целом настроены на изучение этих странных существ и готовы довериться им. Именно так ведет себя мальчик. Но есть котята, которые только плачут и паникуют, никакие новые покровители им не нужны. Хотя через некоторое время ласка и вкусняшки все равно сделают свое дело...

– Но как такое возможно?! – Эдуард окончательно забыл, что он тень, выдвинулся на первый план, не заметив, как задел плечом Антона, – тот улетел вперед и рухнул грудью на стол. – Ведь их не звери воспитывали, верно?

– Определенно нет, – подтвердил главврач. – Детей стригли, мыли, научили самостоятельно питаться, и не по-звериному, а ложкой из тарелки, сидя на стуле.

– И кто это делал, бесплотные духи, что ли? Если вы говорите, что людей они не видели?

– Не горячитесь так, молодой человек, – вздохнул главврач. – Мы все очень переживаем за найденшей, но эмоциями тут не поможешь. Вам приходилось слышать такое имя – Каспар Хаузер?

– Нет, – поморщился Эдик.

– Да, – сказал, потирая грудь и свирепо косясь в его сторону, Антон.

– Ну вкратце для тех, кто не слышал, – добродушно оскалился главврач. – В девятнадцатом веке в одном немецком городке был обнаружен подросток, которого сначала приняли за умственно отсталого. Он странно двигался, произносил на автомате несколько фраз и явно не понимал, куда попал и что с ним происходит. И гнить бы ему, как бродяге, в тюрьме, но, по счастью, мальчиком заинтересовались влиятельные люди. Наняли ему учителей, и скоро подросток начал говорить и вспоминать. Оказалось, всю свою жизнь он провел в каком-то подвале, где даже не мог встать в полный рост, и никогда не видел своего тюремщика. Он съедал хлеб, выпивал воду и крепко засыпал, за это время кто-то приносил новую пайку, иногда стриг и мыл ребенка. Вот я и думаю: не повторилась ли история с Каспаром Хаузером снова, только в российском городке и сразу с несколькими детьми?

– Вы думаете, детей могли держать на снотворном? – спросил Кинебомба.

– Это едва ли. Постоянное использование препаратов на них отразилось бы. Однако кто-то мог заходить к детям, например, в балахоне и маске. Приводил их в порядок, учил ходить и пользоваться горшком, тарелкой и ложкой. Никогда не произносил ни слова, поэтому дети не издают ни звука, так сказать, человеческого. Возможно, ставил им запись звуков природы, либо рядом с ними действительно жили звери.

– Но зачем? – простонал Редкий, чувствуя, что его голова нехорошо потрескивает, словно вот-вот взорвется.

Лицо горело, а вот губы онемели, словно он зажимал между ними кусок льда. Ответа не последовало. Вопрос Антона был гораздо более по существу:

– Дети знакомы между собой? Они, может, родственники, брат и сестра?

Мужчина за столом одобрительно покивал:

– Экспертиза пока не готова. Но да, мы показали их друг другу. И все говорит о том, что ребяташки никогда прежде не встречались. Девочка своего приятеля по несчастью испугалась ровно в той же мере, как и всех остальных. А вот мальчик...

Главврач задумчиво покусал непомерно большими зубами пухлую нижнюю губу, Эдик на всякий случай отвел взгляд.

– Что? – хором выдохнули практикант и его мятежная тень.

– Он, сказал бы я, поскольку при этом присутствовал, проявил к ней определенный интерес. Например, принимался с особой тщательностью и даже пытался подойти, но я пока исключил близкие контакты – вдруг дети инфицированы? Малышку мы прежде вымыли и обработали, но если представить, что мальчик привык использовать обоняние наравне с животными, то он вполне мог уловить знакомые ему запахи их общего содержания. А вообще он принимается постоянно, к каждому вошедшему человеку, к вещам. Интенсивность особенно возрастает в те моменты, когда мальчик хочет есть.

– Ему приходилось искать еду по запаху?

– Теряемся в загадках. Все опять же говорит о том, что ребенка содержали в закрытом помещении, хорошо ему знакомом, и при свете. Ушибов, гематом, которые наверняка возникли бы, ползай он в поисках своей миски с кашей, мы не обнаружили. Однако если он все время сидел в одиночестве и с единственной игрушкой, то что ему было еще делать, как не приниматься в ожидании очередной пайки?

– Игрушкой вы называете ту поделку с волосами и зубами? – уточнил Кинебомба.

– Точно. Мальчик не желал ее отдавать ни в какую, рычал, забивался в угол и ложился на свое сокровище. Взять смогли, только когда он уснул. Наши эксперты провели первичный анализ, образцы еще вчера передали в ваше ведомство.

– Да, результаты уже известны, – проговорил Антон звенящим от напряжения голосом. – И это просто чертопласие какое-то! Лошадка вырезана вручную, взрослым, конечно, человеком. Волосы из хвоста принадлежат пяти разным детям. Зубы молочные, выпали сами, принадлежат двум детям, мальчику в том числе.

Сказал – и снова завис. Что-то ошутимо кольнуло Эдика между ребрами, вроде как жутковатое предчувствие.

– А при девочке не было ничего подобного? – спросил он.

Кинебомба смерил его крайне недовольным взглядом, но ответил:

– Было. На руке самодельный браслет, сплетен из волос. Думаю, из тех же самых.

Главврач вдруг начал расти над столом, он оказался обладателем довольно длинного тела, и скоро приятелям пришлось задрать головы, чтобы не потерять с ним зрительный контакт. Редкому даже захотелось глянуть за стол: не на детском ли стульчике он там сидел. Ему вообще редко приходилось глядеть в чужие лица снизу вверх.

– Прошу прощения, но, кажется, в приемной необходимо мое вмешательство, – произнес мужчина церемонно.

Теперь только оба посетителя осознали, что из-за солидной раздвижной двери в кабинет прорывается многоголосый шум и лидирует в нем уже знакомый тонкий захлебывающийся голос.

– А что за проблема с этим шумным врачом? – спросил Эдуард.

Он справедливо опасался, что, едва останется с нехорошо притихшим Кинебомбой наедине, тут же будет спроважен вон, потому и цеплялся за любую возможность остаться в центре событий.

Главврач уже на полпути к двери выразительно вздохнул и развел руками:

– Здесь, полагаю, проблема другого профиля, скорее нашего, чем вашего.

– Так-так, а в чем там дело? – вышел из оцепенения практикант.

Кинебомба моментально сделал на пути хозяина кабинета стойку, которую Редкий про себя уже прозвал «Сурикат на дежурстве», и главврач бросил попытки покинуть кабинет.

– Мы, видите ли, пригласили из нашей поликлиники дантиста проверить зубы детей. Думаю, следы лечения или пломбы пролили бы некий свет... но нет, ничего такого. С мальчиком в понедельник все прошло без эксцессов, хотя стоматолог был этот же. А вот сегодня

неожиданный сюрприз: едва увидав второго найденыша, он немедленно опознал в ней свою похищенную дочь и устроил переполох...

– А у него похитили дочь? – перебил его Антон и уже схватился за телефон.

– Да ну что вы! – замахал на него обеими руками главврач. – Его дочь, девочка Вика четырех лет, находится дома с мамой. Однако наш стоматолог весь во власти конспирологических теорий. Перед вашим приходом я не удержался, для очистки совести позвонил в наш перинатальный центр, где рожала его жена, все уточнил. Беременность была сложная, к тому же после ЭКО, женщина с первых недель наблюдалась, последние месяцы лежала на сохранении. Так что о случайно утерянной, похищенной, незамеченной сестре-близнеце и речи идти не может!

– Его жена с дочкой уже не дома, – подметил Эдуард, улавливая за дверью детское лепетание. – Потому что он вызвал их сюда. Хочет сравнить, наверное.

– О, тогда нам стоит поторопиться, – живо среагировал главврач, мимо Антона проныривая к двери.

Когда ребята следом за ним вышли в приемную, там уже яблоку негде было упасть. Белый от волнения зубной доктор обеими руками прижимал к себе крепенькую и на редкость позитивную девчущку, румяную и очень хорошенькую, с почти белыми волосами до плеч. Она посреди шума, выкриков потных нянечек, просьб пожилой медсестры очистить помещение преспокойно играла с белой шапочкой отца, причем делала это аккуратно, не сдвигая ее с места. Изображала ладошкой утюг и, методично трудясь, мурлыкала что-то себе под нос. Рядом так же спокойно и безмолвно стояла красивая статная женщина на голову выше дантиста, в наброшенном на плечи поверх свитера халате. Она не сводила глаз с супруга и дочери, готовая в случае необходимости подхватить любого из них, если понадобится – обоих. Ее муж бушевал и требовал пропустить их к найденышу, чтобы жена и все прочие могли убедиться в идентичности девочек.

Толпа шумела и волновалась. Эдуард в этот миг вдруг четко осознал, что его родной город – резиденция русских царей, известный всему миру своими дворцами, первым парашютом, подводной лодкой, – отныне и навсегда прославится именно непостижимой историей с подкидышами. И в парке туристы прежде всего будут просить показать те места, где нашли малышей. Додумать мысль не успел – Антон вцепился в его предплечье и потянул в коридор.

Редкий подумал тоскливо, что сейчас будет изгнан, и справедливо – тень нарушила правила, заговорила, вышла на первый план. Придется ему, как всем прочим, питаться слухами. Но Кинебомба сам стоял поникший и испуганный, как выставленный из класса первоклашка. Эдик спросил его тревожно:

– Ты чего?

– Пяти детям, – простонал тот. – Нет, ты понял? Пяти разным детям. Волосы. На игрушке и в браслете.

– Это ничего не значит, волосы где угодно можно раздобыть, – ответил Редкий, но почему-то по его затылку побежали мурашки.

– Если в парке действует маньяк, то волосы обязательно что-то значат! Маньяки – самые продуманные ребята на Земле, ты знал? Они свои зверские подвиги планируют иногда годами. А это значит, что детей будет еще...

Он замолчал и без сил привалился к стене.

– Трое, – подождав немного, подсказал Редкий.

– Не уверен.

– Но ты сам...

– Да. Но я не могу отделаться от мысли, что одного ребенка мы уже проворонили. Вчера. Во вторник.

– Не может быть! – ужаснулся Эдуард. – Его бы обязательно заметили, парк кишит вашими людьми.

– Но к вечеру понедельника все работы были закончены, и в парке дежурили только сторожа да наряд полиции! Никто не ждал повторения, понимаешь ты?! Парк даже хотели открыть, но ваше начальство перестраховалось.

– Но почему же ребенка не обнаружили вчера или сегодня? – тупо повторил Эдик. – Куда бы он сам ушел, голый? Или, думаешь, он все еще где-то там...

– А если обнаружить ребенка можно лишь до определенного часа? – с ужасным выражением лица перебил его Антон. – Если обнаружить – это значит спасти? А не спасли – он поступает в распоряжение маньяка? Если в этом и состоит его игра, понимаешь?

Редкий не понимал. Он вообще никогда не понимал маньяков, даже фильмы про них терпеть не мог. Но ему было очень страшно.

Их отвлекли шаги. Из глубины коридора к кабинету приближались главврач и невозмутимая жена дантиста – Эдик и не заметил, когда они покинули приемную. Женщина казалась задумчивой, но спокойной. А главврач остановился рядом, посмотрел на почти стекшего по стене Антона так, словно собирался предложить ему медицинскую помощь, но вместо этого сказал:

– Мы с Анной Дмитриевной посмотрели девочку. Она, кстати, уже почти успокоилась и перестала шараться от людей. При ней постоянно дежурит наша санитарка тетя Паша. Она нашла, знаете ли, верный подход: рассказывает малышке сказки, песенки поет. Бедняжка ничего не понимает, но слушает во все ушки.

– А что вы можете сказать насчет девочки? – отклеился от стены Кинебомба. – Она в самом деле так сильно похожа на вашу дочь?

– Она похожа на Вику, – сказала женщина. – И была бы, возможно, ее копией, не будь так запущена. Но в целом, конечно же, это ничего не значит, малыши часто похожи друг на друга, пока не проклюнется с годами индивидуальность. Мой муж погорячился.

– А всегда он... настолько горяч? – снова не сдержался Эдуард.

– В отношении дочки просто фанатик, – тепло улыбнулась Анна Дмитриевна. – Стоит Викусе затемпературить, и я уже не знаю, кого спасать в первую очередь, мужа или ребенка. Это смешно, ведь он сам медик. Но уж таков, не переделать.

Эдик и Антон с готовностью ей покивали.

– Мы уже взяли у найденыша генетический материал и обязательно проверим все, даже самые невероятные версии, – вставил главврач, настороженно прислушиваясь к неумолкаемому шуму из-за двери. Наверное, предвкушал, как всех сейчас разгонит. – И сообщим в ваше ведомство. Это не займет много времени, ведь мы понимаем...

– Да, ч-чертоплясие, это чрезвычайно важно, – пробормотал Кинебомба и рванул прочь по коридору. Эдик, наскоро попрощавшись, кинулся вдогонку.

Глава 3 Мелодия в ночи

Лишь на просторном крыльце больничного корпуса Эдику удалось догнать приятеля. Прежде Эдуарду не приходилось видеть Антона в таком возбуждении: впалые щеки посинели, серые глаза приобрели стальной оттенок, он непрерывно потирал побелевшие кисти рук и сам выглядел сейчас настоящим маньяком.

– Я уже вызвал такси и мчусь в прокуратуру, – отчеканил Кинебомба, косясь на Эдика как на досадную помеху. – Постараюсь донести до начальства мысль, что парк на ночь необходимо оцепить. Они мне не поверят, но и я с них не слезу. А ты давай в парк, разузнай, согласятся ли охранники со всех смен остаться на ночь.

– Ладно, – пробормотал Редкий. – Удачи!

Что-то заставляло его волноваться за дальнейшую карьеру соседа – если детей больше не обнаружат, а какой-то жалкий стажер поднимет всех на уши...

А потом все закрутилось очень быстро, и, когда башенные часы в парке пробили шесть, Эдуард уже стоял в прохладном, всегда немного сыром вестибюле дворца, зажатый со всех сторон мощными плечами и торсами ребят из городской добровольной дружины, срочников, охранников. На недавно побеленную стену проецировалась подробная карта парка. Инструктаж проводил человек с военной выправкой, но в штатском, державшийся, случайно или намеренно, в тени колонны. Но его сильный голос звучал так твердо и ясно, что Редкий почему-то ощущал себя уже почти героем. Возможно, даже раненым героем, над которым склоняются молча его новые крепкие товарищи.

– Помните, ни в коем случае не пытайтесь задержать злоумышленника, – говорил тем временем некто в штатском. – Вмешиваться в ситуацию разрешаю в одном – внимание! – лишь в одном случае. Если в поле вашего зрения окажется ребенок и ему будет угрожать опасность. Если нет, то вы просто безмолвные свидетели, удачно слившиеся с пейзажем. Все телефоны оставить дома или сдать. Как и любую технику, способную издавать звуки.

Стоявший прямо перед Эдиком накачанный круглоголовый парень по-ученически вскинул руку и выкрикнул, привстав на цыпочки, свой вопрос:

– Но как тогда сообщить, что мы видим гада?

– А не нужно сообщать, – прозвучал мгновенный ответ. – Мы оборудовали камерами все слабые места в ограде парка, где он теоретически может подлезть, перепрыгнуть, просочиться. Как только кто-то проникнет на территорию парка, к месту его внедрения подтянется группа захвата. Если попытается уйти другим путем, будут задействованы прожекторы и громкоговорители. Но все это начнет работать лишь после того, как он освободится от ребенка и отойдет от него на достаточное расстояние. Вы – наблюдатели и подстраховка для малыша. Также напоминаю, что средствами против комаров, одеколонами пользоваться нельзя – запах может вас выдать. Равно как и есть, жевать жвачку, упаси бог, курить. С туалетом терпеть до утра. Доступно объяснил? Тогда прошу всех по очереди подходить ко мне и к карте.

Тут же началась привычная суматоха, предшествующая образованию всех очередей. Редкий чуточку растерялся, завертел головой, отыскивая приятеля, в итоге оказался в самом хвосте и смотрел с нарастающим отчаянием, как человек в штатском, опять же ухитряясь оставаться в тени, – или это тень стоворчиво следовала за ним? – тыкал деревянной указкой в самые перспективные, на взгляд Эдика, точки карты. Наконец он приблизился к человеку в штатском, увидел рядом с собой его плоское сероватое лицо с нелепо зачесанными на один бок волосами.

– Вот ваш пост, – в такт постукиванию указкой по стене прозвучали слова. – Вы, юноша, из охраны? Тогда, думаю, место вам хорошо знакомо.

Редкий коротко кивнул и отошел, сломленный и убитый. Это место он знал отлично. Огибая один из крупных островов, озеро клиновидной бухтой вгрызалось в берег, нещадно подмывая корни растений, полумертвых, уродливых, замученных таким существованием. Их не вырубали, боясь дальнейшего наступления воды. В паре метров от бухты проходила пешеходная дорожка, вела к мосту, а дальше озеро причудливо изгибалось и небольшим заливчиком омывало местность с другой стороны. Строго говоря, все это место было островом, связанным с основной территорией четырьмя мостиками с разных его окраин. Место укромное, и в разгар белых ночей охрана уставала гонять оттуда парочки или целые компании.

Вот только маньяку туда соваться смысла нет: зачем светиться на мостиках, когда есть куда более удобные подходы к озеру? Им просто заткнули место для отчетности, горько осознал Эдуард. И он в страдающей позе прислонился к колонне.

Тут его и нашел Антон, без всякого сочувствия выслушал сердитую жалобу, ответил:

– Все правильно, в самые перспективные точки ставят полицейских и армейских. Штатских берегут, но парк большой, так что приходится всех задействовать.

– У тех, кто в нормальных местах, и оружие будет? – ревниво спросил Редкий.

– Не будет. Руководство учло все риски: этот тип, кто бы он ни был, должен быть пойман живым. Ты вдумайся: в его лапах могут быть и другие дети, и случись с ним что... Лучше уж упустить, чем случайно прикончить.

Он выдохнул через зубы, на мгновение прикрыл воспаленные глаза. И Эдуард забыл свои обиды, вдруг примерив на себя тревоги товарища. Антон заварил эту кашу, и несладко ему придется, если этой ночью не произойдет вообще ничего. А он думает только о детях... Редкий вздохнул и сказал:

– Ладно, мы его хоть как, хоть голыми руками, а поймаем. Живого... гада. Вот увидишь.

И Кинебомба скривил бледные губы в благодарной полуулыбке.

Их всех в три очереди накормили в дворцовом кафе, а потом, когда начало темнеть и парковые деревья утратили свои четкие очертания, стали группами разводить на посты. Кстати, за столом Эдик оказался со своим напарником Злыднем и не удержался от удивленного вопроса: зачем в его-то годы такие нагрузки? Вопрос остался без ответа, но в злобном взгляде старика Эдик отчетливо прочитал свою дальнейшую участь и в еще более убитом настроении стал

ждать своей очереди. Охранники парка на свои посты расходились последними, ведь им сопровождение не требовалось.

Эдуард прибыл на свой пост, огляделся деловито, выбирая наилучшее место для засады. Время белых ночей давно осталось позади, но абсолютной темноты все же не было. От озерной воды исходил слабый серебристый свет. Все вокруг казалось опутанным серой паутиной, лишь на фоне озера деревья превращались в черных исполинов.

И в этом полумраке знакомая местность выглядела так зловеще, что Редкий вдруг твердо уверовал: то, чего они ждут, случится именно здесь. Только бы ему не сплеховать. Сердце застучало быстро-быстро, словно нечто жуткое уже приблизилось вплотную, таится и выжидает момент...

Пост он себе определил между двумя раскидистыми колючими кустами шиповника. Ветки их так переплелись, что можно было устроиться на них, как в гамаке. Мать снарядила его, как на полюс: утепленные джинсы, свитер с высоким горлом и плотная ветровка. А если начнет отключаться, то потеряет равновесие, исколет руки и проснется. Но он не заснет ни на миг, просто не позволит глазам закрыться – это Редкий себе твердо пообещал. За каждую попытку сомкнуть веки будет лупить себя по щекам.

Эдик прежде и не знал, что время может тянуться так невыносимо долго. Самым ужасным оказалось то, что часов он не носил, а мобильник согласно приказу оставил на сборном пункте. Теперь отдал бы что угодно, лишь бы узнать: сколько еще до рассвета? В какой-то момент сильно стемнело, потом подул ветер и унес с собой тьму. Вернулся полумрак, который, казалось, никогда уже не кончится. Его щеки онемели от профилактических ударов, хотя большая их часть приходилась по комарам и прочей ночной пакости. Он даже натянул ворот свитера до корней волос и проковырял в нем дырки для глаз. Но так держать веки открытыми стало еще сложнее.

Когда с озера вдруг пополз белесый туман и окутал его по шею, Эдуард обрадовался – дело явно шло к рассвету. Если маньяк и появится, то теперь. Но Редкий слишком устал, чтобы желать себе приключений. Пусть лучше заметят и схватят гада в другом месте, а потом объявят в громкоговоритель, что все свободны. И можно будет отправляться домой, а там спать, спать, спать...

Тело затекло, и каждая косточка противно ныла. Эдик подумал, что в таком тумане вполне может размяться, подойти к озеру, ополоснуть лицо. Маньяк его и не заметит, если объявится сейчас. Впрочем, это будет взаимно, поэтому нужно двигаться бесшумно, а самому держать ушки на макушке.

Осторожно, по веточке отводя от себя преграды, он поднялся на ноги. Туман, словно решив, что на суше ничем не лучше, начал отползать обратно в воду, голова и плечи Редкого уже возвышались над ним. Пришлось сложиться пополам, заодно массируя онемевшие голени. И вдруг он оцепенел, замер на полувздохе. Потому что сквозь туман в направлении озера что-то двигалось.

Поначалу оно было на дорожке, и Редкий услышал шорох гравия и вроде как легкое цоканье. Потом зашуршала трава на спуске к берегу. Но ее шуршание почти сразу заглушило что-то другое, неуместное, пугающее. Со страху Эдуард даже не сразу разобрал, что слышит мелодию, тихую, еле уловимую. Возможно, она звучала в наушниках того, кто спускался к озеру. Или... неизвестный мурлыкал ее себе под нос, не разобрать. Мелодия смахивала на стон испуганной души, вдруг оказавшейся вне тела, и Эдик ощутил, как шевелятся волоски на затылке, а сердце расплавленным маслом стекает куда-то в ноги. Он оцепенел, но глаза держал открытыми.

То, что двигалось в темноте, не могло быть взрослым человеком – оно едва ли доходило Редкому до пояса. Ребенок? Эта мысль на миг отогнала страх. Возможно, их как-то заставляют

самих подходить к озеру. Силуэт в тумане искал удобный спуск к озеру, слишком осмысленно для испуганного малыша...

«Идет прямо на меня», – обреченно подумал Эдуард.

Бежать было некуда, и он лишь сжал кулаки, готовясь дать отпор. Мелодия зазвучала чуть громче. Не дойдя до него пары шагов, неясная тень свернула к намытой озером бухточке. Теперь она больше напоминала человека,двигающегося на четырех конечностях. В нос ударил мерзкий запах мокрой шерсти.

«Обычная собака идет к озеру напиться», – родилась утешительная мысль. Прогнать нельзя, вода далеко разнесет любой звук. Пусть уж сделает свои дела и сама удалится. Он лишь надеялся, что это не волк, их время от времени видели в окрестных лесах. А если волк, то не сильно оголодавший...

От воды послышался сильный всплеск, будто неопознанный зверь решил заодно искупаться, а следом за всплеском не то пронзительное мяуканье, не то птичий испуганный крик. И в тот же миг тень появилась опять, но теперь она двигалась куда быстрее – и прямо на Эдика. Он шархнулся назад, повалился на куст, но ветки спружинили и толкнули его обратно, прямо на странную фигуру.

Он машинально ухватился за нее руками, пальцы запутались в чем-то мягком и влажном. Потом их обожгла боль, какая бывает, если пытаешься порвать слишком крепкую нитку. И, потеряв равновесие, Редкий повалился лицом в траву на то самое место, где существо только что пронеслось. Но вскочил почти сразу, машинально стряхивая что-то с пальцев. И бросился к озеру.

Ребенок барахтался у самого берега, цеплялся за траву. Совсем малыш, определить его возраст точнее Эдуард не мог, понял только, что мальчик. Подхватил худенькое тельце, перенес подальше от воды. Потом скинул с себя ветровку, начал срывать свитер. В свитере от волнения и спешки подзастрял, а когда все же стянул, то увидел, что малыш проворно дает от него деру на карачках. Уже почти на дорожку выполз, а заметив погоню, попытался спрятаться под скамейкой. Все это он проделывал совершенно беззвучно.

– Эй, ты чего, дурачок? Зачем бежишь? – пробормотал Редкий, заглядывая под скамью, но отпрянул, когда ребенок оскалил мелкие и редкие – через один – зубы и злобно зарычал ему в лицо.

Редкий рассердился на себя, зашел с другой стороны скамейки и довольно ловко вытащил мальчишку за его тыльную часть, после чего спеленал с ног до макушки в свитер. Успел только заметить, как ему показалось, грязь на плече, попытался смахнуть, не сумел. И еще что-то висело у ребенка на шее, но приглядываться Эдик не стал, уж больно агрессивно вел себя найденныш, так и клал зубами в опасной близости от его уха и щеки.

Чуть успокоившись и крепко прижимая к себе малыша, Редкий постарался выровнять дыхание, чтобы слышать, что происходит вокруг. Кто бы ни принес ребенка и каким бы путем ни воспользовался для отхода, сейчас он уже должен покидать территорию парка. Его схватят, и все закончится.

Но было тихо.

Он сел на траву, чтобы уж окончательно прийти в себя и вспомнить инструкции. Найденныш больше не рычал и вообще не подавал признаков жизни. Эдуард испугался, не задохнулся ли малыш, и осторожно освободил его голову и шею. Снова бросилось в глаза что-то темное, словно прилипшее к коже ребенка.

– Ты вроде запачкался, пока выползал, – прошептал, осторожно касаясь его плеча, Редкий. – Дай, дядя сотрет... а, нет, не сотрет, прости.

Он уже сообразил, что грязь на самом деле была крупным и выпуклым родимым пятном, сползающим с плеча на левую руку и частично на грудь. Формой оно напоминало бумеранг.

– Прости, – повторил Эдуард, будто малыш и впрямь мог обидеться. – И не тушуйся, пацан, ты же пацан. Ничем тебе дядя не помог, только испачкал. – Он снял с лица мальчика пару жестких курчавых волосков, удивился – у мальчика волосы были темные и шелковистые, – неосознанно сунул в нагрудный карман. – Так, а тут у тебя что за штуковина?

Штуковина на шее мальчика оказалась нелепой соской, вырезанной целиком из дерева и покрытой следами зубов. Ребенок, было притихший, снова зарычал и забился, когда Эдуард потянул соску к себе, чтобы хорошенько рассмотреть. Большие темные глазенки, похожие на перезрелые вишни, воинственно сверкали – похоже, своим единственным имуществом малыш дорожил.

– Эх, бедолага ты, – прошептал парень, оставляя соску в покое. – Ладно, хорошо все будет. К людям сейчас пойдем.

И, решив больше не ждать сигнала, он прижал малыша к груди и побрел по безмолвному парку в сторону дворца.

– Соберитесь и постарайтесь в деталях описать, кого именно вы видели на берегу?

Руководитель всей операции больше не прятался в тень, наоборот, в маленьком кабинете горел и верхний свет, и настольная лампа с одним рожком на гибком основании. Человек, назвавший себя так торопливо, что Эдику послышалось слово «миксер», лампу эту постоянно крутил в руках, то и дело наставляя себе в лицо. Теперь стало видно, что под несуразной прической он прячет остатки уха, срезанного как-то наискосок. Человек выглядел сильно раздосадованным, Редкому казалось, что он борется с искушением направить свет прямо ему в глаза и допросить по всей строгости. И Эдик был рад, что в кабинете у стены приткнулся Кинемомба, который, может, заступится в таком случае за приятеля. Хотя не факт.

– Я не знаю, кого видел, – подчеркнуто устало повторил в который раз Эдуард. – Я даже не уверен, зверь это был или человек. В первый раз вообще не разглядел, он в тумане мимо прошел. А во второй раз несся прямо на меня, я случайно на него упал...

– Ну, если даже упали, наверное, поняли, зверь или человек перед вами?

– Да ничего я не понял, – сердито помотал головой парень. – Если человек, то маленький, типа карлик. Если животное, то большое. Когда мы столкнулись, мои руки запутались в его шерсти.

Человек вдруг вскочил и куда-то вышел. Эдуард хотел заговорить с Антоном, спросить, почему не задержали злоумышленника. И куда унесли малыша. И сняты ли уже все посты... в общем, вопросов было столько, что он в результате и выбрать между ними не успел, как человек с искалеченным ухом уже вернулся.

– Это шерсть овечья, – коротко сообщил «миксер», глядя в пространство между Антоном и Эдуардом.

– Ага, по размерам могла быть овца. Но, стоп, не могла же она ребенка?..

– Овцы там точно не было, – прервал его мужчина, откровенно злясь. – Уж овцу мы не пропустили бы.

– А как же?..

– Вы вырвали клочок из овчины. Это могла быть одежда, ну по расположению-то?

– Не знаю, – пробормотал Редкий. – Если одежда, то где тогда его голова была? Или это капюшон такой, из овчины? Может, было два карлика под шкурой или очень большая собака, ею накрытая. И мокрая, воняла. Я только не понял, как она... как это несло ребенка. И откуда взялось.

– Мелодию насвистеть можете? – тоном полной безнадежности спросил человек.

Эдик покачал головой и ощутил, как мурашки снова побежали от затылка по позвоночнику.

– Я ее вначале помнил, а потом отвлекся, и как-то из головы прочь. Но я потом вспомню, буду под руками диктофон держать.

– А была ли мелодия? Может, тот, под шкурой, просто дышал тяжело или ребенок скулил?

– Была, – заверил Редкий. – Тихая, но жуткая какая-то... даже не знаю, как объяснить.

– Инструменты какие исполняли? Или ее голос выводил?

Эдик зябко поежился:

– Не понял я, правда. Как будто... ну как если бы птица говорящая мелодию заучила. Неправильно как-то. Неестественно. А почему вы все-таки его не поймали?

«Миксер» вроде как собрался вспылить, но вместо этого лишь покачал головой. И провел пятерней по волосам, машинально зачесывая их набок.

– А на камерах?

– Ничего на камерах. – Вдруг стало ясно, что человек с половиной уха устал еще больше, чем он. – Но это наша проблема, э-э-э, Эдуард. Вы со своей задачей справились отлично, позаботились о ребенке и даже почти схватили злоумышленника. – Кривая улыбка дала понять, что так он шутит. – А теперь отправляйтесь домой отдыхать.

– А что дальше будете делать? – встрепенулся Эдик.

С детства он при любой вариации фразы «иди спать» моментально делался бодрым и полным сил.

– Ну попытаемся схватить его на следующую ночь, если он свои скверные делишки в вашем парке еще не закончил.

– Мой пост останется прежним?

Человек вдруг перегнулся через стол и неловко ребром ладони похлопал Редкого по плечу.

– Давай, дружок, дуй домой, ты и сам пока не понял, как сильно вымотался. На следующую ночь мы найдем свежих людей, да побольше, чтобы закрыть все прорехи.

– Я тоже могу! – запротестовал Эдуард, пораженный в самое сердце такой несправедливостью. Его, единственного, кто хоть что-то сделал этой ночью, в пренебрежительном тоне отправляли восвояси. – До вечера еще много времени, успею отоспаться.

Но человек непреклонно мотнул головой, так что подпрыгнул старательный начес над остатком уха, словно птичье крыло.

– Иди уже, герой. Людей мы найдем, это не проблема. Теперь не проблема. В эту ночь у нас был один шанс из ста, что вообще хоть что-то произойдет. А если совсем уж честно, то никто, кроме нескольких энтузиастов (*Быстрый взгляд в сторону Кинемомбы.*), всерьез не верил, что этот тип подбросит еще одного ребенка и снова к озеру. Даже я не верил. Но теперь – спасибо тебе – мы хоть немного представляем, с чем имеем дело. Следовательно, и людей теперь будет больше, как в самом парке, так и по периметру. И камер больше, чтобы ни одно чертово создание, как бы оно ни выглядело, мимо не проскочило. А еще...

Но что «еще» – этого Эдик так и не узнал. Дверь приоткрылась, кто-то сунул в нее лохматую голову и взволнованно позвал:

– Никита Сергеич, там срочно...

Человек стремительно вышел, за ним рванул и Антон. А Редкий с внезапным облегчением подумал: «А, вот почему “миксер”».

Потом уронил голову на стол и отключился.

Потом уже, дома, он сперва продрях до часу дня, а потом вроде и спать не хотел, но и заняться ничем толком не мог. Лежал на кровати в своей комнате, по подбородок натянув плед, листал лениво страницы соцсетей, но при этом избегал городские и новостные блоги. Он не хотел сейчас думать о маньяке, о подкинутых детях. Только не сегодня! С усмешкой он вдруг подумал о героях любимых приключенческих книг, постоянно готовых к подвигу.

– Все обман, – прошептал он себе под нос. – Героем можно быть только через день, после хорошего отдыха и сна. А если два дня подряд, то плевать на судьбы мира.

Однако ближе к вечеру его снова обуяла жажда деятельности. Попробовал связаться по телефону с Антоном – тот буркнул что-то и сразу сбросил звонок. Хотел даже пойти к парку и незаметно побродить вокруг, вдруг заметит что-то необычное. К примеру, человека с ребенком на руках, который шел к парку, но ощутил неладное и сменил направление. А Эдик увяжется за ним незаметно, проследит до его логова и... Тут он почему-то снова уснул. Мать разбудила его к ужину, предупредила, что отец неважно себя чувствует, возможно, придется вызывать скорую. Так что к парку Редкий не пошел, посидел с отцом, а когда того отпустило, снова отправился спать.

А утром проснулся, словно от толчка, распахнул шторы и – на тебе! – увидел Антона, который медленно пересекал двор вслед за величавым Плевако. Тут же напялил на себя что под руку попало и ринулся вниз по лестнице.

Догнал уже у выхода на улицу и ужаснулся: Кинебомба выглядел как мертвец, восставший из гроба ради последней прогулки с домашним питомцем. Лицо мучнистое, глаза окончательно запали и вроде как подернулись пленкой, даже острый нос как-то провис, словно подтаявшая сосулька. Руки и вовсе приобрели синюшный оттенок. Эдик давно подметил эту особенность Тохи бледнеть руками.

– Эй, что еще случилось? – вместо приветствия выкрикнул Эдуард.

Антон повернул к нему голову, весь как-то передернулся и сказал без выражения:

– Ночью в парке погиб человек. И это по моей вине.

– Ребенок?! – охнул Редкий.

– Нет.

– А кто?

– Рахманов Ильдар Валиевич, охранник.

– Злы... – Эдик не договорил, прикусил язык и вытаращился на приятеля. – Да ты что! Да как же он там оказался? Он в позапрошлую ночь дежурил, этот ваш Никита Сергеевич говорил, что на эту ночь свежих людей найдет!

– Да вот просочился как-то, – тоскливо проговорил Кинебомба и сложился в пояснице, чтобы погладить подошедшего к нему вплотную Плевако. Пес смотрел на хозяина с заботливым беспокойством и тихонько поскуливал.

– Как же это случилось? – спросил Редкий и ощутил болезненный спазм в груди, словно речь шла о близком друге, а не о напарнике – зануде и доставале.

– Это моя вина, – упрямо напомнил Кинебомба. – Мы хотели прикрыть все места, где хотя бы гипотетически мог появиться этот чертов извращенец. Народу нагнали много, но все равно меньше, чем рассчитывали. Пришлось брать кое-кого из тех, кто дежурил в ночь на четверг. Я даже хотел тебя вызвонить, но потом закурился как-то... а этот Рахманов и виду не подал, что отдежурил уже. Я подумал, что его в первый раз по возрасту не допустили, но он все же охранник, в безопасном местечке поторчать для виду вполне может. Ну я и дал ему, как тогда казалось, самое бесперспективное место – пруд у развалин адмиралтейства. Там ведь город совсем рядом, а всех детей находили в противоположной части парка и полагали, что этот тип со стороны леса приходит. А в пять утра в штаб по рации передали с поста у центрального входа: слышали короткий крик и затем странные звуки, вроде как клекот. Мы немедленно с самим товарищем генералом рванули туда, от дворца, сам знаешь, это близко. Старались шума не поднимать, просто глянуть, что да как, ведь проникновения в парк не было зафиксировано. Так что короткими перебежками... а потом увидели этого старика, он на пешеходной дорожке лежал...

Антон закрыл глаза и помотал головой, словно гоня жутковатые видения.

– Его убили?

– Нет, он целехонек был, никаких ран. Тогда еще живой. Мы сразу вызвали скорую. А он белый совсем был и все хрипел, будто сказать что-то порывался. Врачи через пару минут при-

мчались, по периметру парка кареты скорых на всякий случай дежурили. Но сделать ничего уже не смогли – не довезли даже до больницы. Он и им все хотел о чем-то рассказать, все пытался... Он видел его, понимаешь?! Может, даже пытался остановить, а сердце не выдержало! Чертоплясие!

– Откуда знаешь, что там был тот гад?

Эдик аж на месте подпрыгнул и едва не приземлился на лапу Плевако. Пес посмотрел на него со смиренной укоризной в старческих, с розовыми прожилками глазах.

– Так ведь ребенка мы нашли почти сразу же. Девочка примерно лет трех. За ней, кстати, еще побегать пришлось, пряталась за колоннами и едва не ушла от нас кустами. Мы отыскивали то место у Адмиралтейского пруда, где ее скинули в воду, там брызги остались на траве и камнях. Это примерно в десяти шагах от того места, где находился Рахманов. Товарищ генерал предположил, что он оттуда прекрасно видел маньяка, ночь светлая была и тумана не наблюдалось. Возможно, охранник выскочил из своего укрытия, чтобы помочь девочке, но ощутил, что с ним дело плохо, пошел к ограде, упал, позвал на помощь.

– Но как же никто не увидел того, кто девочку принес? – недоумевал Редкий.

– Вот это самое странное. С проспекта он проникнуть не мог, там все как на ладони. Получается, шел с ней через весь парк, что тоже нереально. У нас же все было схвачено! – Не сдержавшись, Антон саданул себе кулаком по лбу, потом еще и еще раз. Пес жалобно заскулил, словно молил хозяина пощадить себя. – На каждом мостике – а он хоть один точно должен был перейти – камеры и специальные штуки типа фотофиниша. На пешеходных дорожках – тоже. Мы бы получили сигнал, пересекли их кто.

– Вы обмозговывали вариант насчет собаки? – спросил Эдуард. – Ну или другого большого животного, специально обученного?

– Да, мы с Никитой Сергеевичем о нем говорили, прикидывали, могло быть или нет. На детях не обнаружили следов, как если бы собака тащила их, да такое и возможно только с маленькими. Не с Понедельником и не с последней девочкой, крепышкой. Однако товарищ генерал предположил, что к шее животного могло быть подвязано что-то вроде платка или полотенца...

Тут Антон, слегка успокоившись, опустил на корточки и начал показывать на своем псе. Плевако польщенно застыл.

– А второй конец этой тряпки или сетки пес, предположим, держал в зубах. Сюда вот вкладывался ребенок, заранее обученная собака несла его к воде и там разжимала зубы. Ребенок с головой уходил под воду – мы считаем, это делалось для того, чтобы на нем гарантированно не осталось никаких следов, – потом выбирался на берег. И все равно удивительно, что на камеры ничего не попало. Просто мистика какая-то...

Кинебомба, легка порозовевший во время обсуждения, замолчал и снова начал скорбно бледнеть и скукоживаться.

– Ладно, а что в эту ночь, будет дежурство? – поспешил спросить Редкий. – Я могу участвовать?

Антон дернулся, отвернул голову, будто приятель не вопрос задал, а замахнулся на него камнем или палкой:

– Дежурство будет, только я уверен – ничего это не даст. Не придет он больше. Все указывает на то, что детишек было пять, и одного мы прохлопали во вторник. Даже на деревянной соске, что была на шее мальчика в твое дежурство, эксперты отыскивали пять типов прикусов, она, похоже, переходила от ребенка к ребенку. У девочки, которую нашли сегодня, на шее висел шар-погремушка. Две деревянные сферы, грубо склеенные. А внутри – зубы и обрезки ногтей. Зубы принадлежат Понедельнику и еще кому-то. Они молочные, выпали сами, значит, тому ребенку, которого мы проворонили, было не меньше пяти лет.

Эдуард не нашелся, что сказать, а Кинебомба добавил совсем уж безжизненным голосом:

– И еще, один из ночных сторожей, когда уже снимался с поста, кое-что обнаружил в кустах. Пять деревянных бусин, нанизанных на кожаный шнурок. На таком же висели и соска, и погремушка. Но шнурок порвался, и бусины остались в траве.

– Где же это было?

– В паре шагов от озера и примерно посередине между теми местами, где ты нашел мальчишек. Одно хорошо: из озера ребенок точно выбрался. Вот только куда подевался, неизвестно.

Антон помолчал и добавил, будто одним махом гвоздь по самую макушку вбил:

– Но я его найду. Хоть сдохну, а найду.

Глава 4 Нелюбимая

Вика Фомина закончила с уроками, последняя тетрадь – алгебра – легла поверх прочих на правом краю стола. А потом все тетрадки из стопки, одна за другой, начали переключиваться влево. Каждая работа тщательно просматривалась от начала и до конца, выверялся каждый знак, каждая цифра. Под конец девочка взяла дневник, убедилась, что не упустила ничего. Открыла страничку, на которой были вписаны предметы и имена учителей, начала проверять себя – всех ли запомнила. Попеременно закрывая столбцы линейкой, бормотала себе под нос, пока не смогла проговорить без запинки от начала до конца весь список.

Наконец, устало выдохнув, она откинулась на спинку удобного офисного кресла: все было идеально. За первую неделю в новой школе она не запомнила ни одной фамилии одноклассников, ни с кем не сдружилась, зато успела завоевать определенный авторитет у учителей. Что ей одноклассники? От них никакого проку. Это учителя станут хвалить ее на родительских собраниях, отправлять на олимпиады и, главное, при любом удобном случае говорить родителям, как они довольны Викторией, как гордятся и счастливы, что в их школе учится теперь такое сокровище!

От подступающих слез заныло в висках. Господи, ну кого она пытается обмануть! Родителям плевать на ее успехи, а значит, все старания напрасны. И зря она делает каждое задание по три раза: сперва на черновике, потом в специальной тетради, копии рабочей, чтобы тщательно все рассчитать, чтобы ни одна буква не заехала за поля, не случился неловкий перенос. Напрасно рвется отвечать и всеми способами пытается понравиться учителям.

Виктория зажала глаза ладонями и посидела так, пока слезы не отступили прочь. Потом сделала несколько глубоких вдохов, собрала волю в кулак и только после этого отправилась в родительскую комнату.

Мать, красивая даже в своем болезненном состоянии, лежала высоко на подушках, по горло закутанная в одеяло, и смотрела в потолок пустым, равнодушным взглядом. Она вздрогнула, когда дочь появилась на пороге, словно меньше всего на свете ожидала ее увидеть.

- Мамочка, я тебя не разбудила? – спросила девочка заранее виноватым голосом.
- Нет, я не спала, – прозвучал в ответ прохладный, ровный ответ. – Ты что-то хотела?
- Хотела спросить, может, тебе нужно что-то?
- Нет, благодарю. Но я помню, что ты дома, и позову в случае необходимости.

Поскольку дочь не уходила, женщина, кинув на нее нетерпеливый взгляд, задала вопрос сама:

– Ты уже сделала все уроки?

– Да, мам. Знаешь, в этой школе не очень много задают, здесь какая-то новаторская система и...

– Расскажешь как-нибудь нам с отцом за ужином, – перебил ее равнодушный голос. – Но если уже все сделано, то я хочу, чтобы ты сходила на прогулку, пока не стемнело. Ты ведь толком не видела еще город?

Вика только плечами пожала. Когда ей особенно гулять, если они совсем недавно переехали и все силы уходило на то, чтобы утвердиться в новой школе. Сегодня было воскресенье – и только поэтому ей удалось управиться до обеда.

– А ведь это твой родной город, и это хороший городок, старинный, чистенький. – Голос матери чуть потеплел, и Вика расцвела от радости. Губы дрогнули, готовясь в любой момент сложиться в счастливую улыбку. – А в центре есть детское кафе, называется вроде «Белоснежка» или «Золушка». Там отличное меню для детей и подростков, мы с тобой бывали там прежде. Хотя это было давно, ты едва ли помнишь.

Под конец теплоту в голосе матери сменила горечь, и у Вики противно затряслись ноги от напряжения. Женщина пару раз глубоко вдохнула через рот, словно борясь со спазмом горла.

– Ты могла бы там поесть, и отцу не пришлось бы после работы готовить еще и на тебя.

– Я сама могу приготовить на всех! – В подтверждение своих слов девочка дернулась всем телом в сторону кухни.

– Не надо! – Голос прозвучал зло и раздраженно, женщина сама испугалась своего срыва. И продолжала говорить, тщательно себя контролируя, почти ласково: – Ты знаешь, я не люблю, когда шумят за стеной. У тебя частенько все валится из рук, а мне хотелось бы поспать, пока отец не вернулся. Так что иди, пожалуйста, на улицу. У тебя есть деньги?

– Да, мам.

– Если мало, то зайди к отцу на работу, возьми еще. Да, и попроси, чтобы он сегодня не задерживался, скажи, у меня есть к нему разговор. Все, Виктория, иди.

И Вика пошла. Есть не хотелось и гулять не хотелось, но поручение есть поручение. В своей комнате она сменила домашнюю майку и шорты на уличную футболку и джинсы, в рюкзаке запихнула легкую ветровку – дни стояли жаркие, словно лето и не думало кончаться, и лишь после захода солнца сентябрь временами напоминал о себе.

Зубная клиника отца занимала часть первого этажа дома, в котором они теперь проживали. И Вика иногда гадала, не слышат ли те, чьи квартиры над самой клиникой, жуткий вой бормашин, стоны взрослых и вопли детей. Но отец уверял, что звукоизоляция на высоте, поскольку он лично все проконтролировал, чтобы не иметь дел с обозленными соседями. К тому же всем жильцам дома в клинике «Сияние» полагались хорошие скидки.

Виктория не случайно рассуждала о судьбах жильцов – эти звуки у нее самой вызывали ужас, и в клинику она заглянула со всеми предосторожностями. Но все было в порядке, в просторном холле пахло свежими яблоками, а за матовыми дверями кабинетов белоснежные призраки склонились над врачебными креслами. Если какие-то звуки и слышались, то лишь ласковое воркование докторов. Ждущие своей очереди на удобных диванчиках цвета молодой зелени листали журналы и выглядели вполне умиротворенными.

Отец, руководитель клиники, тоже вполне мог находиться в одном из лечебных кабинетов, в такие моменты отвлекать его категорически запрещалось, и Вика просто скинула бы

ему на телефон эсэмэску с просьбой матери. Но холеная женщина-администратор за стойкой регистрации, тепло улыгнувшись девочке, тут же указала пальцем в сторону кабинета в торце коридора, давая понять, что она может пройти. В тот момент Вика и приняла внезапное решение, о котором пока старалась даже не думать, чтобы не испугаться и не дать задний ход.

Отец в тщательно отутюженном халате стоял в углу у сейфа, что-то искал в папках и не сразу услышал, как открывается дверь в кабинет. Когда же хлопнула, возвращаясь в исконное положение, металлическая ручка, он вздрогнул, обернулся – и моментально словно бы натянул на усталое к исходу дня лицо маску ласкового радушия.

– Заходи, заходи, Снежка! Как тебе тут? Простор, а? Не то что в Питере?

Отец всегда в ее обществе говорил много и как-то дробно, так что Вика всякий раз представляла горстку мелких камешков, уносимых потоком, как они перекатываются и стучаются друг о друга. А Снежкой он звал ее из-за светлых, почти белых волос. Снежкой, Снежинкой, Снежаной – и никогда просто Викой. Мать изредка и словно нехотя называла по имени – всегда только Виктория.

– Я тут уже была, – напомнила она тихим голосом.

– А-а... о... конечно, была. Ну мы тут подремонтировали старые стены, красоту навели, не так ли? А как мама? – вдруг напрягся он, голос сразу изменился, исчезла дробность. – Ей не стало хуже?

– Нет, папа. Я бы тебе тут же позвонила, если что.

– А, ну да, конечно, – расслабился он.

– Она отправила меня погулять и перекусить в городе. Ну чтобы дома готовку не разводить и ей не мешать. Уроки я уже сделала, – добавила она поспешно и тут же рассердилась на себя за эти слова. Вечно вставляет дурацкие уроки, как единственное свое достижение, будто кого-то это волнует. Вот и отец усмехнулся как-то странно, словно пытался скрыть раздражение.

– Ну конечно, сделала. Когда наша Снежинка забывала про свои обязанности?! Так, значит, велено выдать сумму на кафе и прочие непредвиденные траты?

– Нет, пап, у меня еще есть... – начала девочка, но отец уже отвернулся, прошел к шкафу у двери и скрылся весь за его дверцей. Судя по шороху и звяканью, порылся в кармане пиджака, а потом из-за дверцы шкафа вынырнула его рука со стопкой скомканных купюр.

– Слишком много! – запротестовала Виктория, но рука нетерпеливо качнулась, пришлось взять. Потом из-за дверцы появился и сам мужчина, кажется по новой натягивая на лицо приветливое и ласковое выражение. А она так и стояла с деньгами в руках, растерянная и почему-то униженная.

– Ну что же ты? – В голосе отца сквозила нотка нетерпения. – Беги, пока тучки не набегали.

Но она, насупившись, осталась стоять на месте, ощущая несвойственное ей желание спорить и препираться. Пусть даже по совсем уж странному поводу.

– Моим одноклассникам столько и в месяц не дают, сколько ты мне на кафе, – пробормотала, не поднимая головы.

– Ну, хвала небесам, твой папка может себе это позволить, – из последних сил улыбаясь, отчеканил отец.

Кажется, еще мгновение, и он возьмет ее за плечи и вытолкает из кабинета. Хотя нет, он так не поступит, поскольку вообще никогда не прикасается к дочери.

– Я учусь в платной гимназии, там многие могут, – напомнила девочка.

– Снеж, ну что ты, в самом деле? Много на кафе, зато хватит еще на платице или туфельки. Или книжку. Или... не знаю на что, сама придумай.

– Ага, или вообще сбежать из дома и пожить пару месяцев в другом городе...

– Эй! – Отец стянул с носа очки, лицо без них стало совсем чужое, недоброе, так что Вика поспешила опустить глаза. – Что за разговоры такие? Но я знаю, что моя разумная девочка никогда так не поступит, потому что она всегда поступает правильно!

Тон сделался елейным, она ненавидела, когда отец так с ней говорил. Как с ребенком, но только с чужим и неприятным ребенком, которого нельзя пристукнуть, так что приходится как-то заговаривать ему зубы. Она вспомнила о принятом пару минут назад решении – а думала об этом много раз, даже лет – и выпалила:

– Папа, скажи, когда я была маленькая, я сделала что-то очень плохое?

Отец вытаращил на нее глаза, потом вспомнил про очки, ловким движением накинул их на нос и снова посмотрел. А затем отошел к белоснежному столу у окна и начал все подряд на нем переставлять, явно без всякой системы.

– Что за странные вопросы, Снежа? Посмотрела какой-то триллер? Хотя ты у нас больше по книжкам... Так что там у тебя за фантазия такая, делись.

– Это не фантазия, – помогала головой Вика и оперлась спиной о стену – у нее дрожали колени. – Просто я много думала об этом. Мне кажется, когда-то у нас все было иначе, на старых фотках и видео мы все вместе, радуемся, и мама здорова. Я не помню ее такой, а ты никогда толком не рассказывал, почему она заболела. Вот я и подумала, ну, может, я убежала куда-то без спроса, потерялась. Вы за меня очень испугались, и у мамы началась ее болезнь. И теперь вы не можете меня простить...

Больше Вика ничего не смогла из себя выдавить. Наверное, зря она начала разговор. Плохая была идея! И отец так странно молчал, что Вике становилось с каждым мгновением все страшнее. Даже не смотрел на нее, только на свои руки, хватающие все подряд... Потом закашлялся и долго не мог остановиться. Снова снял очки и протер заслезившиеся глаза. Покачал головой и положил ладонь на лоб, демонстрируя, какой чушью ему показались слова дочери. Нарочито рассмеялся:

– И что только не залетает в эту головку, такую в целом светлую и умненькую! Страшно подумать, что же тогда в головах у бездельников и лоботрясов, которые и сравниться не могут с нашей Снежинкой. Милая, мы всегда любили и любим тебя одинаково. Конечно, болезнь мамы многое поменяла в нашей семье, и, само собой, не в лучшую сторону. Но ты должна понимать, что нельзя желать всего на свете. У тебя есть все, что нужно для девочки твоего возраста. Скажи, ты можешь припомнить, когда мы с матерью в чем-то ограничивали тебя? Были с тобой жестоки, грубы? Может, мы тебя наказывали, упаси бог, били? В чем конкретно ты нас обвиняешь, ну-ка, скажи своему папке?

Вика слушала, опустив голову, а изнутри медленно покрывалась коркой ужаса. Она слышала, как нарастает в голосе отца раздражение, но он пытается замаскировать его елейно-шутливым тоном. Кажется, она снова все сделала только хуже.

– Прости меня, папочка! – в отчаянии прошептала девочка. – Я спросила глупость, ужасную глупость!

И ринулась прочь из кабинета.

Она немного успокоилась и просушила слезы в каком-то чужом дворе, забившись под горку на детской площадке. Площадка пустовала, вероятно, по случаю хорошей погоды всех детей увели гулять в городской парк – он совсем рядом, лишь дорогу перейти. Но в парк Вику не тянуло, как и никуда, впрочем. Она все еще болезненно переживала дурацкий разговор в клинике. Отец разозлился, а если он еще и матери ее слова передаст, то та, пожалуй, совсем перестанет с ней разговаривать. Мать терпеть не может «всяких претензий», как она это называет.

Но все же яркое солнце, птичий щебет и теплынь понемногу вернули девочке хорошее расположение духа. А когда на площадке все же появилась пара малышей и немедленно начала вопить и бегать, Вика наскоро привела себя в порядок и с самым независимым видом отправи-

лась знакомиться с городом. Ну и ладно, в конце концов, она сумела высказать главное: отношение родителей ей не кажется нормальным. Возможно, отец на досуге все обдумает, и потом они еще разок поговорят спокойно и по-доброму, как и положено родным людям.

В центре города на пешеходке она спросила кого-то насчет детского кафе и узнала, что оно давным-давно прекратило свое существование. Но место, где кафе было, показали: совсем маленький дворик с хилым газоном посередине. Вместо растительности из земли торчала вроде как арка из местного золотистого камня, которая никуда не вела. Ну и хорошо, что кафе превратилось в обувной магазин, – Вике совсем не хотелось туда идти. Просто сработала привычка быть послушной и всегда готовой на любой родительский вопрос дать самый подробный ответ.

Солнце скрыли низкие мохнатые тучки, и сразу стало парко, душно. По всем приметам, собиралась гроза. Посидеть в самом деле где-то хотелось, и девочка закинула голову, изучая вывески над дверями. На одной было написано:

«КОШАЧЬЕ АНТИКАФЕ “ЧЕТЫРЕ ЛАПКИ”».

И вокруг на желтом фоне – многочисленные отпечатки этих самых лапок.

Сердце Вики радостно подпрыгнуло – кошек она обожала. За вывеской скрывалось замечательное место, где жили кошки, и нужно было только заплатить за время, которое хочешь провести в их мурчащей компании. Там обязательно найдется чай, а в горле как раз пересохло. Она потянула на себя неподатливую дверь подъезда и по узкой лестнице взбежала на второй этаж, мимо двух каких-то фирмочек и пахучего секонд-хенда.

Зато в просторном помещении антикафе ничем плохим не пахло, только бергамотом и ароматическими свечками. Здесь было два просторных дивана с придвинутыми к ним столиками, полка с книгами и прилавок с чайником. И много кошачьих домиков, матрасиков и игрушек. Местные обитатели – коты всевозможных мастей – с вялым интересом покосились в сторону новой посетительницы, бóльшая часть продолжила валяться на матрасиках, лишь трое встали и начали выразительно потягиваться, словно давали понять, что к контакту готовы, но просят не обременять их ласками и сюсюканьем – они и так уже отработали целый день.

– Проходи, милая, не стесняйся! – приветливо окликнула Вику молодая, очень загорелая женщина и тут же включила чайник.

На хозяйке антикафе был цветастый свитер с закатанными рукавами и светлые джинсы – наверное, чтобы на них меньше была заметна шерсть питомцев. Ее пушистые светло-рыжие волосы были забраны в высокий хвост.

Вика заплатила за час пребывания, взяла чашку с чаем, печенюшку из коробки и уселась на диван. Почти сразу к ней степенно приблизилась разноцветная кошка с большим животом, замерла у ног и возмущенно мяукнула, словно укорила: «Что, даже не поможешь мне в моем положении забраться на диван?»

– Ой, прости! – воскликнула Вика, тут же отставила чашку и со всеми предосторожностями подняла кису себе на колени. Та немного потопталась и аккуратно легла на бок, оберегая живот.

– А как тебя зовут? – спросила ее девочка, лаская шелковистую шерстку.

– Эта наша Нонграта, – весело сообщила женщина, подходя ближе. – Имя такое, потому что ее много откуда вытурили, к нам попала уже вот такая. Ждем пополнения на следующей неделе. Кстати, если хочешь котенка, то можем тебя записать в лист ожидания.

– Я бы хотела, – запинаясь от волнения, заговорила Вика. – У нас была кошка Мотья, но она... ей было уже очень-очень много лет. Я бы хотела котеночка, но не знаю...

– Понимаю, нужно сперва с родителями обсудить.

Девочка кивнула, хотя дело было не в родителях – они-то позволяют, они всегда все ей позволяли. Вика сама не понимала, что ее смущает. А ведь как было бы здорово приходить сюда каждый день, ждать и однажды увидеть новорожденных котят. Потом выбрать своего,

наблюдать, как он день ото дня набирается сил, все крепче стоит на лапках, открывает глаза. А дома тем временем готовить все необходимое для малыша. Но что-то мешало ей тут же записаться в очередь на котят. Лиза – так звали хозяйку антикафе – настаивать не стала.

Вика просидела еще полчаса, попивая чай и шушукаясь с дремлющей Нонградой, но потом бросила взгляд в окно – небо расчистилось, налилось синевой, правда, уже меркнувшей к закату, – и заторопилась домой. Она всегда боялась ненароком нарушить домашние правила.

Сбегая по лестнице, Виктория вдруг поняла, почему сомневается насчет котенка. А вдруг и он не будет ее любить? Кошки всегда выбирают в хозяева кого-то одного в семье. Их прежняя Мотька любила именно Вику, вечно ходила за ней по пятам, тосковала, когда девочка долго не появлялась дома. Эх, не нужно было Вике этим летом уезжать на несколько смен подряд в Артек! Новый котенок вполне мог выбрать на роль любимого хозяина отца или мать, это нормально. Но она, Вика, так истосковалась по любви, что не хотела получить еще один удар, лишнее доказательство, что есть в ней что-то скверное, дурное, еще прежде оттолкнувшее от нее родителей.

Настроение снова упало, и, когда дверь подъезда не поддалась с первого раза, девочка сердито распахнула ее ногой. Услышала, как кто-то сдавленно охнул, по инерции вывалилась наружу – и похолодела от испуга.

Парень, которого она сшибла дверью, сидел на дорожке и смотрел прямо на нее. Почти взрослый, старшекласник, а может, студент. Не сообразив сразу юркнуть обратно в подъезд, Вика вжалась спиной в стену – сейчас он вскочит, возможно, толкнет ее или даже ударит, лучше уж заранее во что-то упереться. Но парень вскакивать не спешил, сидел на асфальте спокойно и невозмутимо, словно на пляже, и даже улыбнулся девочке. Потом обхватил левую ногу в районе колена и словно попытался подтащить к себе. Вика присмотрелась, и ей окончательно стало дурно от ужаса: совсем не летние ботинки на липучках подсказали, что она сбила хромоногую, калеку!

– Ой, простите! – простонала Вика, не зная, нужно ли предложить парню помощь.

Или обидится? В целом незнакомец выглядел крепким – похоже, справится и сам.

Пока девочка раздумывала, что делать, он сказал со смешком:

– Круто ты из дверей выходишь. Убегала от кого?

– Нет, просто дверь... она тугая, я ее с разгона... и вот, – покаянно сообщила девочка. –

Простите меня, пожалуйста.

– Да ерунда, как раз собирался где-нибудь посидеть. Планировал, конечно, скамейку, но уж как получилось.

Сказав это, он отвел руки назад, нащупал опору в виде ограды газона, после чего довольно ловко поднялся на ноги.

– Ну вот, отдохнул, теперь дальше побегу. Бывай!

Уже на ходу он посмотрел ей прямо в лицо, улыбнулся и подмигнул. И по необъяснимой причине Вика, обычно на людях такая сдержанная, вдруг разрыдалась в голос.

Глава 5

Веские доказательства

Парень к тому времени уже оказался по другую сторону газона, но в темпе вернулся назад.

– Эй, ты чего? – позвал осторожно.

Рыдания.

– Перестань, а? Сейчас сюда охрана со всех магазинов прибежит тебя от меня защищать. Эти слова подействовали, и Вика разом оборвала плач, но зато начала безудержно икать.

Парень понаблюдал за ней чуточку, потом решительно произнес:

– Так, нужно разобраться, что с тобой происходит. Только сперва тебе надо попить. В кафе?

Вика замотала головой: какое кафе, куда она сунется такая зареванная?! На ее тонкой светлой коже следы слез и за сутки не проходили, поэтому она всегда старалась страдать как-то иначе, бесслезно. А сегодня плачет уже второй раз. Была и еще причина: с парнями в кафе она никогда не бывала, не знала, как принято себя вести.

– Ладно, устроимся тогда тут. – Парень кивнул на газон. – Вполне удобно, проверено. Садись!

Вика поспешно опустилась на поребрик, отвела взгляд, пока незнакомец со своей больной ногой не слишком ловко устраивался чуть поодаль от нее. Но он управился быстро и сразу завладел инициативой:

– Так, выкладывай. У тебя в школе проблемы?

Вика головой замотала, и даже губы непроизвольно растянулись в горькой улыбке: вот уж с чем проблем у нее никогда не бывало.

– Слушай! – Парень вдруг смешно стукнул себя ладонью по лбу. – Не с того начали. Знакомиться давай! Я – Платон.

– Вика, – засмушалась она, прилив крови к щекам враз просушил слезы.

– В «Белой радуге» учишься?

– Откуда вы знаете?

– Не вы, а ты. Я тоже там, в одиннадцатом. Но только с этого года, поэтому ты меня еще не видела. А я тебя видел.

Виктория подумала, что это очень хорошая и даже интригующая новость. Он, что же, видел ее и запомнил? Девочка определенно с каждым мгновением чувствовала себя все лучше и лучше. Вот только не спросил бы, в каком она классе.

– Я тоже только с этого года, – сказал Вика. – Мы переехали из Питера.

– И что в гимназии, не обижают тебя? – вернулся к прежней теме Платон. – Народ в ней на первый взгляд сытый и добродушный, но наверняка есть и исключения, а?

– Не, там все нормально, – помотала головой девочка.

– А чего ревела тогда? Только не говори, что из жалости ко мне, не проникнусь.

– Нет, – сказала Вика. А потом вдруг произнесла слова, которые до сего дня из нее и раскаленными щипцами никто бы не вытянул: – Я плакала из-за родителей. Из-за того, что они меня не любят.

Платон помолчал, опустил голову и серьезно обдумал ее слова. Вика тем временем краем глаза его разглядывала: у парня был пушкинский профиль с выдвинутыми вперед носом и подбородком и густая шапка каштановых волос, лежащих волной над высоким лбом. Глаза зеленовато-коричневые, табачные, какие-то очень теплые. Он спросил таким тоном, будто заранее извинялся за сквозящее в вопросе недоверие:

– Тебе так кажется или имеются веские доказательства?

О, к этому вопросу Виктория была готова, давно готова. Она с места в карьер начала перечислять то, что собиралась выложить сегодня отцу, не уйди он сразу в глухую оборону:

– Они не интересуются тем, как я живу, что меня волнует. Ни о чем не спрашивают, только по делу, ну там, поела, уроки сделала, здорова. Все для меня делают, все покупают, но так, будто хотят, чтобы я поскорее отвязалась. И почти не зовут по имени, только мама иногда, а отец – Снежинка, Снежка и прочие производные.

– Почему Снежинка? – нахмурился Платон.

Вика в ответ выразительно подергала себя за волосы. Парень кивнул понимающе, потом спросил:

– Ну а ты сама не даешь им повода злиться? Может, хамишь? Не прибираешься в своей комнате? Плохо учишься? Не приходишь домой по ночам? Занимаешься порчей домашнего имущества? Заправляешь компанией хулиганов и наркоманов?

На каждый вопрос Вика отрицательно мотала головой и под конец не удержалась и громко прыснула. Судя по довольной улыбке парня, он именно этого и добивался.

– А тогда, может, давно пора сделать что-то из перечисленного?

– В смысле? – испугалась девочка.

– Может, ты слишком беспроблемная и твои родители чуточку расслабились? Вот если бы у тебя начались трудности с учебой, что тогда?

– Наняли бы мне с десятков репетиторов, – хмыкнула Вика.

– А, ясно, – сказал Платон и снова замолчал, раздумывая о чем-то. Потом задал совсем уж неожиданный вопрос:

– Ты их родной ребенок, не удочеренная?

– Да ты что! – ахнула Вика. – Нет, ну я бы могла так подумать, но у нас полно фотографий и целый фильм, как маму и меня забирают из роддома домой. Папа снимал. Знаешь, раньше, мне кажется, все было иначе. Мы были счастливой семьей и все такое. А потом мама заболела, что-то с сосудами. Ей то лучше, то хуже, она неделями не встает с кровати. И мне кажется, это случилось из-за меня. Может, я что-то натворила, так напугала родителей, что мама потеряла здоровье. Только я этого не помню, а они не могут меня простить.

– Нет, – сказал Платон и мотнул головой, так что зачесанные назад волосы упали на лицо, и он пятерней тут же водворил их обратно. – Никто бы тебя не разлюбил, даже случись такое. Наверное, все дело в болезни твоей мамы. Она наверняка переживает, что не может в полную силу заниматься тобой. Или думает, что ты стыдишься ее, мечтаешь о нормальной здоровой матери. Знаешь, тяжелые мысли ведь не только в твою голову приходят. Эй, снова глаза на мокром месте? Прости, не стоило, наверное...

– Нет, ты все правильно говоришь, – Вика отвернулась, торопливо протирая лицо ладонью. И почему она никогда не носит с собой упаковку бумажных платков? Словно подслушав ее мысли, парень через плечо протянул ей платок, не бумажный, а настоящий, тщательно отглаженный. И – показалось ей – чересчур торопливо отдернул руку.

Промокнув глаза, девочка совсем растерялась, не зная, что делать теперь с платком. Вернуть? А вдруг ему будет противно, вон как шарахнулся от ее мокрой руки. Да что же такое, лучшая ученица всегда и во всем, а не знает самых элементарных вещей?! Где им обучают, скажите на милость? Или это особая мудрость, которая передается от матери к дочери?

– Я просто почему-то испугалась, когда ты спросил, не приемная ли я, – решила она все же объяснить, а то точно примет ее за дурочку. – Это было бы ужасно.

– Ну так только со стороны кажется, что ужасно, – ответил Платон. – Я вот, к примеру, приемный, и ничего.

– Да ты что? – поразилась Вика, сообразив, что в очередной раз сболтнула что-то бестактное. – Тебя усыновили?

Парень неопределенно пожал плечами:

– Ну не совсем так. Просто есть опекуны, которые забрали меня к себе из того учреждения, где я прежде жил. Они не считаются моими родителями, но очень сильно поддерживают меня. Перевели в выпускной класс в эту гимназию, чтобы я мог лучше подготовиться к поступлению в вуз. Я бы и сам всего добился, но все равно им благодарен.

Вика решила, что спрашивать о настоящих родителях сейчас точно не стоит, хоть ее и раздирало любопытство. Но, главное, они учатся в одной школе, значит, смогут еще увидеться. При условии, что он, выпускник, захочет с ней, восьмиклашкой, общаться.

Набравшись храбрости и действуя по наитию, что живет в крови каждой женщины, Вика сказала:

– Твой платок мне еще может пригодиться. Но обещаю вернуть его снова чистым и выглаженным. Не возражаешь?

Платон с задумчивой улыбкой покачал головой. И довольно ловко первым встал на ноги. Но ей руки не протянул, Вика поднялась сама. Зато спросил:

– Проводить до дома?

– Не нужно, спасибо! – Опять же интуиция подсказала ей, что для первого знакомства стоит уже закруглиться. – Увидимся.

И Вика первая зашагала прочь. Вышла на пешеходку, где было все так же многолюдно и кто-то, сидя прямо на тротуаре, выводил на саксофоне проникновенную мелодию из старого фильма. И от этого было светло и радостно, но и тревожно на душе. Хотелось бродить по городку, заглядывать в чужие лица и думать о своем.

Но Вика, даже не глядя на часы, чувствовала, что чересчур загулялась. Вдруг пришла в голову мысль: а не последовать ли с ходу интересному совету Платона – взять и вернуться домой совсем поздно, отругают ее родители или останутся традиционно холодны? А вдруг обнимут и скажут, что с ума сходили, не зная, куда она подевалась?

Она вспыхнула от радости – и тут же сникла. В век мобильных телефонов родители сперва звонят, а потом уж начинают волноваться. Вика на ходу достала мобильник, поглядела, не мигает ли зеленый огонек пропущенного сообщения, – нет, пусто. Ну и ладно, зато она познакомилась с Платоном, и теперь перед ее глазами неотрывно стояло лицо с теплыми гла-

зами, выпуклым лбом и чуточку оттопыренными насмешливыми губами. Неужели она влюбилась? Неужели вот так оно и случается?

Вика почти не заметила, как дошла до дома, а войдя в квартиру и скинув обувь, не понеслась первым делом в родительскую комнату, чтобы отчитаться о возвращении и выплеснуть нарочито восторженные рассказы о прогулке, при этом стараясь не замечать холодного молчания матери. Нет, довольно! Она отправится напрямик к себе, а родителям, если у них возникнут вопросы, будет совсем не сложно ее найти.

В новой квартире комната Вики находилась в конце широкого коридора, после гостиной и комнаты родителей. Дверь в эту комнату сейчас была на ладонь приоткрыта, оттуда струился слабенький свет торшера, дополнительно завешенного платком, – мать не выносила яркого света. Проходя мимо на цыпочках, девочка услышала родительские голоса и чуточку притормозила у двери, желая удостовериться, что у них все в порядке. А потом уже намертво примерзла к полу, так испугали ее первые же услышанные слова матери.

– Я больше не могу. Толя, умоляю, давай прямо завтра положим этому конец.

Голос звучал ровно, почти спокойно, и это пугало больше всего.

– Родная, не говори так. – Голос отца был полон нежности. – Уже прошли две трети срока, мы терпели десять лет, неужели не потерпим еще немного?

– Смысл, Толя, какой в этом смысл? – продолжала мать словно на автомате. – Мы совершили страшную ошибку, пора это признать. Мы промолчали, когда нужно было бить во все колокола, обращаться в полицию, к журналистам. Тогда у нас еще было достаточно сил, чтобы бороться, почему мы не сделали этого?

Отец молчал. Мать помолчала немного, словно давая ему высказаться, не дождалась и снова заговорила сама.

– Мы были напуганы, и я – даже больше, чем ты. Я сама умоляла тебя не поднимать шум. Это моя вина. Но давай попытаемся сделать что-то прямо сейчас, прошу. По крайней мере, разрубим этот проклятый узел. Положим конец страшному ожиданию.

– А сможем ли мы жить дальше совсем без надежды? – после паузы тихо спросил отец.

Мать натужно и страшно рассмеялась:

– Надежда?! Я давно забыла смысл этого слова. Нашей дочери нет в живых!

У Вики подкосились колени. Она едва не бросилась в комнату с воплем: «Мамочка, я жива, я здесь!», но прежде нее закричал отец:

– Не смей так говорить, Аня! Это единственное, о чем я когда-либо просил тебя: не отнимай надежду хотя бы у меня, даже если не веришь сама! Наша девочка жива, я знаю, я чувствую это!

– Тише ты, – шикнула мать. – Еще не хватало, чтобы она услышала.

– Она гуляет, – холодно уронил отец. – Как обычно, прибежит сюда, когда вернется.

Вика отпрянула от двери, оперлась обеими руками о противоположную стену. В голове шумело и темнело в глазах. Остался только страх, что сейчас отец выглянет и обнаружит ее. Сквозь шум и свист крови в висках снова пробились слова матери:

– Возможно, Толя, мы все сделали правильно. Если наша дочь жива, если кто-то растил ее все эти годы, то едва ли станет убивать теперь. Но надеяться не на что. Даже если мы однажды увидим ее, то это никому не принесет ни радости, ни облегчения. Время упущено.

Тишина. Потом голос отца:

– Я с самого начала говорил тебе, родная, давай попытаемся полюбить эту девочку. В конце концов, в ней нет ничего плохого, и она изо всех сил старается завоевать нашу любовь. Если бы мы приняли ее по-настоящему, как свою, то этим надежно защитили бы нашу дочь и себе оставили шанс жить, любить, радоваться жизни. Ты понимаешь меня?

Снова томительная пауза – и рубленые фразы матери:

– Ты говорил. А я всякий раз не верила своим ушам. Как мы можем принять эту после того, что случилось? Мы даже не знаем, что она такое. Человек ли она!

Кажется, на последней фразе мать попыталась привстать, скрипнула кровать, а потом послышался сдавленный стон, суевливые шажки и увещевания отца. Под эти звуки Виктория, почти не таясь, дошла до своей комнаты, боком повалилась на кровать и уткнула голову в колени. Думать она не могла и хотела в этот миг только одного: исчезнуть, испариться и чтобы все о ней забыли. И сама она больше ничего не помнила и не ощущала.

Пролежав так до позднего вечера, – никто так и не заглянул к ней – она встала и включила в комнате верхний свет. Выбрала из своей коллекции рюкзаков самый вместительный, для поездок, и начала аккуратно и методично складывать в него вещи.

* * *

Урок физики в седьмом «А» классе все никак не начинался, хотя шла уже шестая минута после звонка. Ученики в количестве двадцати человек занимались кто чем, но тишину блюли – преподаватель, он же директор гимназии, стоял в коридоре рядом с классом, положив крупную холеную кисть на ручку приоткрытой на четверть двери. Кисть нетерпеливо постукивала пальцами с отполированными до блеска ногтями. Директор Иван Сидорович Гайдай всегда старался четко отделять директорские дела от преподавания, поскольку любил свой предмет всей душой и не желал бросать уроки. Но случались иногда особо назойливые родители, а директор славился своей учтивостью и подчеркнутой доброжелательностью к этому суевливому племени. В конце концов, обучение в гимназии было платным и отнюдь не дешевым.

Парты в просторном светлом классе стояли по четыре в три ряда, последние в крайних рядах пустовали – директор подозрительно относился к желающим отсесть подальше и не выпускал их из поля зрения. Но задняя парта по центру была занята парочкой смельчаков – парень держал руку на плече своей подруги. При этом он не сводил глаз с двери, готовый отдернуть ладонь в любой момент, – нарываться на директорские подколки как-то не улыбалось. Девушка оглядывала класс с ленивым пренебрежением первой красавицы.

На самом деле красавицей она не была. Ее лицо, энергичное, яркое, с точеными мелкими чертами, тянуло разве что на звание интересного, в классе были девочки и посимпатичнее. Но никто не мог поспорить с Дашей Зиминной в умении поставить себя и заткнуть за пояс любую конкурентку. Она жила по принципу: «За любую обиду я отомщу втройне. Наказаны должны быть как обидчики, так и свидетели – в другой раз не будут просто тарашиться, дебилы». Огорчало Дашу лишь то, что никто ее, в общем, не обижал, все блестящие планы мести пока что существовали лишь на страницах особого «блокнота памяти». Тем не менее ббольшая часть одноклассников пусть по пустякам, но уже столкнулись с Дашиным нравом и теперь предпочитали держаться от нее подальше.

Сейчас Даша с особым тщанием сканировала класс после выходных: кто какую обновку приобрел, кто прическу изменил. Имея возможность получать все лучшее, она не выносила, когда кто-то оказывался более шустрим, первым покупал ультрамодный гаджет или делал необычную стрижку. Все это рассматривалось как обида и тоже заслуживало изысканной мести.

Сидящий рядом с Дашей парень был симпатичный, улыбчивый, обласканный и ухоженный, обладатель необыкновенно синих глаз. Он тоже привык получать от жизни лучшее, но умел быть за это благодарным и не замахивался на звезды с неба. Сейчас он был доволен тем, что без особых усилий получил возможность обнимать за плечи едва ли не самую популярную девушку в гимназии. Имя его вполне соответствовало внешности и жизнелюбивой натуре – Павел Майский.

Но вот дверь в класс начала открываться, в проеме возникла вся целиком директорская рука и лапа его жемчужно-серого пиджака. Паша тут же оставил девичье плечо в покое, причесал пятерней густой пшеничный чуб и сел ровнее.

Иван Сидорович – для учеников Ивсид – нарисовался уже весь, и по лицу его легко читалось, что он чем-то не то раздосадован, не то обескуражен. В общем, настроение ему успели подпортить, но класс куда больше опасался директора, когда тот был весел и на подъеме, – такой Гайдай становился непредсказуем, свергал авторитеты и беспощадно рушил субординацию в классе. А сердитый – это не беда, значит, будет обращаться с учениками подчеркнуто корректно.

Следом за директором в класс неловко вошла девочка в форме их гимназии. Форма – юбка плиссе, серый жилет, белая рубашка – смотрелась на ней довольно нелепо, потому что новенькая оказалась толстой и какой-то несуразной. Сразу же шумно споткнулась о порог, едва не врезалась в парту и замерла, глядя поверх голов, – верный признак, что растеряна.

– Не вставайте! – рявкнул Ивсид на слабые попытки учеников отлипнуть от стульев. – Времени и так достаточно потеряли. Так, класс, это ваша новая ученица. Сама представишься? – Он оглянулся на толстушку.

Та медленно повела головой – нет.

– Ладно, тогда я скажу. Знакомьтесь, Татьяна Милич, ее семья только что переехала в наш город. Не хочу никого напрягать, лишь намекну, что Таня является победительницей бесчисленного количества олимпиад по – внимание! – всем предметам. Одним словом, прошу любить и жаловать!

Гайдай замолчал и пристально поглядел на девочку, причем в его взгляде вроде как плескалось сомнение: точно ли о ней он сейчас говорил?

– Со зрением у тебя как?

Та пожала плечами и вытянула из кармана очки в квадратной металлической оправе, пугающе хрупкие на фоне ее крупной кисти.

– Тебе бы поближе сесть, да? Есть желающие уступить Тане место?

Желающих предсказуемо не нашлось. Директор, все больше хмурясь, махнул рукой на заднюю парту у окна:

– Ладно, садись пока там, потом классный руководитель разберется. Так, класс, в темпе открываем учебники. . .

– Нет, он это серьезно? – спросила Даша у соседа по парте почти в полный голос и таким ошеломленным тоном, будто только сейчас очнулась от кошмара. – Это страшилище – в наш класс? Да нас бэшки и вэшки на смех поднимут!

– Говори тише, – уголком губ взмолился Паша. – Ивсид же все слышит!

То, что их гарантированно слышала новенькая, неловко мостящаяся бочком за соседнюю парту, его мало волновало. А может, и не слышала, ей было не до того. Расстояние между партой и шкафом для учебных пособий в конце класса было невелико, полной девочке, чтобы усесться, пришлось максимально отодвинуть стул. И все равно, сев, она сильно толкнула животом и грудью парту, та врезалась с грохотом в спинки передних стульев. Две сидящие на них девочки синхронно взвизгнули. Новенькая сильно покраснела и затаилась, словно вообще перестала дышать.

– Пересядем! – в ухо Паше скомандовала Даша. Ее место оказалось ближайшим к парте новенькой Тани Милич.

– Что? Куда?

Но Даша уже смахнула вещи в свою изящную сумку, преспокойно встала и перешла за парту у стены, как можно дальше от новой ученицы. Директор тяжело задышал, наблюдая за этим маневром. Наполовину привставший Паша испуганно замер, не зная, следовать ему за Зиминой или уж досидеть до конца урока на прежнем месте.

– Ну, Майский, что же ты? – подождав, спросил Иван Сидорович. – Метнись уже за своей подругой и дай мне наконец вести урок. Или, – обрадованный Паша, уже подхвативший учебник с тетрадкой, снова замер, – прояви чуточку такта и свободомыслия. Ну и смелости, само собой.

Под хихиканье класса Майский густо покраснел и, мысленно кляня директора, все же перебрался за парту к Даше – она встретила его недобрым прищуром. И урок начался. До звонка на перемену Паша бросил несколько любопытных взглядов на новенькую: она так и не достала из рюкзака школьные принадлежности, видно, боялась неосторожным движением вызвать новую волну толчков и тектонических сдвигов.

За физикой последовал русский язык. В другом классе Милич сразу села за ту же парту у окна, постаравшись заранее сдвинуть ее нужным образом. Потом с заметным облегчением достала учебник и начала его пролистывать.

– В буфет? – спросил Майский свою подругу.

Та мотнула головой так резко, что светлая прядь тщательно выпрямленных и надушенных волос щекотнула по его лицу, и направилась напрямиком к новенькой. Паша закатил глаза, но верным теленком поплелся следом. Остановился в сторонке, стараясь дышать немного в сторону – ему казалось, что от толстухи должно непременно разить пóтом, а дурных запахов Майский не любил.

– Приве-ет! – пропела Дарья весело и почти ласково, останавливаясь перед партой Милич и принимая изящную позу. – Поздравляю с началом учебы в новом классе. Тебе тут, конечно, очень понравится, у нас замечательная гимназия. Но я не знала, что здесь тоже занимаются благотворительностью, это... как же ее... – Она звучно пощелкала пальцами. – По квоте принимают, да?

– Что ты имеешь в виду? – подняв голову, со вздохом спросила новенькая.

Паша удивился тому, какой приятный у нее голос – грудной, низкий и спокойный. Не то что у Дашки, которая то тараторит, то вообще переходит на визг.

– Ну это когда в элитное учебное заведение берут кого-то из нищей семьи, чтобы и от государства плюшки получить, и собой гордиться...

– Я в курсе, что такое квота, – перебила ее Милич как-то очень пренебрежительно, – но не понимаю, как это относится ко мне. Мои родители станут платить за мое обучение ровно столько же, сколько и твои. Они наотрез отказались от скидки, которая по здешним правилам полагается ученикам за отличную учебу и победы на олимпиадах.

Теперь Майский точно видел, что новенькая и не напугана нисколько, вполне уверенно себя чувствует. Она же не знала, что Зимину опасаются даже те, кто учится с ней с первого класса.

– Ой, прости-прости, мне лишь хотелось прояснить этот вопрос, – еще более елеиным голосом пропела Дарья и в знак трагической ошибки прижала к груди ладони. – Просто меня кое-что ввело в заблуждение. Ну, понимаешь, люди из обеспеченных семей имеют привилегию следить за собой лучше всяких нищевродов. И уж точно не доводят себя...

– А также имеют привилегию не заморачиваться на этот счет, если им так хочется, верно? – снова перебила ее Таня. – Вот и ответ на твой вопрос, девочка-не-знаю-как-тебя-зовут.

И тут случилось неслыханное: Зимина разом покраснела, словно ее макнули в кипяток. Глаза ее сузились от злости, и опытный Майский прочитал в них ужасный приговор новенькой. Теперь Дарья спать и есть не будет, пока не отомстит ей, не размажет ее по стенке.

– Дашкой ее зовут, – сообщил он, надеясь хоть немного помочь подруге в неловкой ситуации. За что удостоился ее убийственного взгляда.

– То есть, если я правильно поняла, ты сама захотела стать такой... ну даже не знаю, какое слово подойдет... Кучей? Горкой? – сделала Даша еще одну попытку, уже не прикидываясь ласковой.

Изящную позу сменили расставленные на ширину плеч ноги и сжатые в кулаки руки.

– А ты сама довела себя до состояния, когда одним ногтем можно перешибить? – не осталась в долгу новенькая. – Или ты так выражаешь солидарность с голодающими народами Африки?

Пока Зимина, тяжело дыша, искала достойный ответ, Таня снова взялась за книгу и спокойно, даже доброжелательно произнесла:

– А теперь, Даша, мне хотелось бы заглянуть в учебник. Дело в том, что в прежней школе, как я поняла по электронному дневнику, мы вас немного опередили, мне стоит повторить материал. Ты, кстати, не подскажешь, на каком вы сейчас уроке?

Ошалевшая Зимина вскинула голову так, что хрустнули шейные позвонки, крутанулась на каблуках и рванула прочь из класса. Само собой подразумевалось, что Паша последует за ней. Но он был так потрясен преображением новенькой и тем, как она дала отпор главной стервозине школы, что продолжал стоять рядом с чужой партой. Таня повернула к нему голову, и он наконец смог разглядеть ее лицо – конечно, слегка заплывшее жирком, с круглыми румяными щечками, но уж точно не уродливое. У новенькой были красивые светло-карие глаза и темные тонкие брови вразлет. Темно-медовые волосы заплетены в толстенную косу до середины спины.

– Так покажешь? – спросила она, будто с самого начала к нему и обращалась, и слегка улыбнулась. За полными губами блеснули идеально ровные зубы.

– Ага, – отозвался он, подходя вплотную к парте и склоняясь над книгой. – У нас русичка малость с прибабахом, вечно забегает вперед, чуть ли не в конец учебника. Разберет там тему, и назад.

– Это очень правильный подход, – возразила Таня. – Называется метод на опережение, его один русский педагог-новатор давным-давно изобрел. Смысл в том, что некоторые ученики могут сразу уловить новый материал, даже самый сложный, а другим нужно десятки раз разжевать. И не потому, что они тупые, просто такое у них восприятие. Ну вроде как тугодумы. А при таком методе, когда класс доберется до сложной темы, она уже будет знакома, и трудностей не возникнет.

Паша глубокомысленно покивал. Сам он гением никогда себя даже не воображал, зато был старательный, каждую тему вы зубривал так, что от зубов отлетало. И учителя знали: Майский сделал все, что в его силах, требовать от него большего бессмысленно и жестоко. Даже иногда завышали ему оценки на контрольных и никогда не копали слишком глубоко. В конце концов, добрый нрав и сияющая улыбка перевешивали некоторые недостатки, а при родительских деньгах мальчик и так не пропадет – так, вероятно, рассуждали они.

С параграфом вышла заминка – все выходные Майский усердно зубрил учебник, и забегая вперед тоже, поскольку Дашка уезжала с матерью и сестрой в Питер погостить у родственников. Вот он и старался по возможности освободить неделю, ведь своенравная подруга могла затребовать его пред свои очи в любой момент. Прежний ее кавалер Вадька Михеев на том и погорел – не явился по первому зову, загрипповал, видите ли. Теперь кусает себе локти – ну или так Паше хотелось думать. Сам-то он отличался здоровьем олимпийца и подобных казусов не опасался.

В общем, чтобы прояснить дело, пришлось ему заглянуть в свой телефон, свериться с электронным дневником. Затем Майский подсел к новенькой, показал ей в учебнике, что они прошли и в какие темы заглянули заранее. В глубине души он понимал, что одноклассники с недоумением наблюдают за ним, гадая, какого черта он вообще сейчас делает. Раньше этого было бы достаточно, чтобы тут же попытаться вернуть себе репутацию крутого парня, пусть

даже пришлось бы вышвырнуть учебник Тани Милич в окно. Но какое-то необъяснимое теплое спокойствие вдруг окутало его, как кокон, и отрезало от прочего суматошного мира, даже голоса одноклассников исчезли.

И, кстати, ничем плохим от новенькой не пахло, наоборот – приятным, вроде как земляничкой со сливками. Паша тайком глубоко вдохнул и ощутил запредельное космическое счастье.

Глава 6 Защитник собак

Ближе к утру, когда за окном уже розовым бутонем распускался рассвет, измученный мозг Виктории наконец подарил ей передышку. Она просто прилегла поверх покрывала, уткнулась в него лицом и отключилась минут на десять. А потом проснулась, словно по сигналу, и подтянула к себе собранный рюкзак.

Нет, она вовсе не собиралась устраивать показательный побег из дома с привлечением полиции и волонтеров, с неизбежными последствиями вроде постановки на учет. Она уже взрослая для таких глупостей. И сейчас, за десять минут до того, как встанет отец, она просто покинет этот дом, побродит по городу, потом отправится на занятия. Что-нибудь придумает, чтобы не возвращаться сюда ночью. Что именно, Вика пока плохо представляла. Она собрала в кучу все купюры, которые давал ей отец, и сумма набралась внушительная – тридцать тысяч. Можно даже – она глянула для справки в интернете – комнату снять, только кто сдаст? И в гостиницу не пустят, хотя паспорт у нее уже есть. Но, возможно, удастся до вечера задержаться в школе, потом как-нибудь там затеряться и провести ночь в пустом классе или в спортивном зале на матах. На такой случай Вика захватила смену одежды, влажные салфетки, учебники и тетради на ближайшие дни.

Но, скорее всего, до этого дело не дойдет. Она ведь не собирается отключать телефон, наоборот, будет тщательнее обычного следить за зарядкой. Родители – или кто они там на самом деле – наверняка выйдут с ней на связь, когда она не появится дома в обычное время. И вот тогда она задаст им свои вопросы. И не вернется, пока не услышит четкие ответы. А если и придет снова в этот дом, то только затем, чтобы окончательно определиться, куда ей теперь идти. В детский дом, закрытую школу. Или...

Это «или» ее больше всего волновало. Если эти люди зачем-то выдавали себя за ее родителей, хотя таковыми не являются, то где же тогда ее настоящая семья? И почему она узнает себя на самых ранних фотографиях, а две бабушки и один дедушка относятся к ней как к родной и явно понятия не имеют, что творится в их семье на самом деле?

Вика с горечью припомнила, как нарочито заботливы бывали с ней родители, когда гостили в других городах у родни. Может, ее подменили еще в роддоме, а потом сообщили об этом родителям и потребовали выкуп за их настоящую дочь? Выкуп этот так велик, что даже отцу с его клиникой пока не удастся собрать нужную сумму, – это была самая складная версия, до которой девочке удалось додуматься.

Правда, было что-то сказано про десять лет, а ей сейчас четырнадцать, так что роддом едва ли при делах. Ладно, все это не имело значения, если были где-то люди, родные ей по крови, которые могли принять и полюбить ее по-настоящему, потому что она – их дочь. У Вики всякий раз учащалось дыхание, когда она думала об этом.

Ну вот и все, сборы закончены, пора уходить. Без особого сожаления девочка оглядела комнату, к которой не успела толком привыкнуть. Оставив рюкзак у порога, прошлась по периметру, наводя порядок, чтобы каждая вещь заняла свое место, – так уж она привыкла – а потом на цыпочках пересекла квартиру и кроссовки на всякий случай надела уже за дверью.

Всю ночь лил дождь, улица встретила ее влажной прохладой, пришлось сразу же лезть в рюкзак и менять ветровку на легкую куртку. Земля на газонах словно набухла, переползла на вчера еще безукоризненно чистые дорожки. Трава и цветы полегли, зато тщательно промытые кусты и деревья выглядели довольными и подставляли солнцу листья, крепенькие и блестящие, словно посыпанные алмазной крошкой. Вика жмурилась от прыгающих в глаза малюсеньких солнечных зайчиков.

Мир раннего утра оказался суетлив и не слишком приветлив: ее обгоняли недовольные и не до конца проснувшиеся бегуны, оглушали воплями дети, которых родители волокли в детский сад. Но девочка знала, куда шла: конечно, на пешеходку, а потом в тот дворик, где вчера она встретила Платона. Вдруг он живет там рядом и пройдет мимо нее на занятия? Его платок, тщательно выстиранный и отглаженный, лежал в кармане ее гимназического жакета, и она то и дело касалась этого кармана рукой.

Во дворике под вывеской котакафе тоже было сыро, солнце сюда еще не добралось. Виктория обнаружила скамейку, втиснутую между двумя домами, сухую, поскольку над ней нависал край магазинного козырька, и устроилась на ней с ногами, сунув под спину рюкзак. Подбодрила себя: «Отлично, Вика, тут и поспать можно!» Она давно уже привыкла разговаривать сама с собой. Девочка глянула на окна котакафе и скорее угадала, чем разглядела за стеклом любопытные кошачьи мордочки. На душе стало чуточку легче, и она в самом деле задремала.

Сиплый голос, изрыгающий ругательства, топот и шарканье ног заставили Вику разом проснуться, и она в панике завертела головой, пытаясь понять, откуда надвигается опасность. Из-за развалившейся арки, частично закрывающей ей обзор, возник тип неопределенного возраста, лохматый и неопрятный. Сильно наклонившись вперед, постоянно заваливаясь вбок и мотая головой, он что-то тащил за собой по асфальту обеими руками. Это «что-то» при более внимательном взгляде оказалось кем-то, а точнее, мальчишкой лет десяти, маленьким и тощим. На нем была красно-белая курточка, которая складками собралась под мышками, обнажив впалый живот, и тренировочные штаны. Кроссовки, когда-то светло-зеленые, а теперь густо облепленные грязью, скребли задниками асфальт. Викторию поразило, что мальчик, которого взрослый волочил за ворот куртки, не кричал и не вырывался, а спокойно сложил руки на груди и смотрел в небо, только штаны время от времени поддергивал.

– Как ту собаку... – Наконец-то девочка разобрала в рычании лохматого типа хоть какие-то нормативные слова. – Ща я тебя тоже каменюкой, их тут полно. Прощайся с жизнью, паскуда мелкая!

У Вики от страха заledenело в висках. Она вдруг отчетливо поняла, что тут, похоже, замышляется убийство, а кроме нее, некому прийти мальчишке на помощь. Окна жилых домов в этот дворик не выходили, кругом только магазины и офисы, пустующие в ранний час. Чтобы выскочить за помощью на пешеходку, придется пробежать мимо лохматого, и тогда он, вполне

возможно, переключится на нее. Отважной Виктория себя не считала, но и молчком наблюдать за расправой не собиралась, просто пока не могла сообразить, как ей действовать.

В паре метров от двери котокафе из каменной стены торчал железный крюк неизвестного назначения. Возможно, когда-то на него вешали фонарь, ведь дома в центре были очень старые. Лохматый с утробным звуком перехватил мальчика поперек туловища и исхитрился подвесить за ворот куртки на этот крюк, пару раз шмякнув спиной о стену. Мальчишка повис сантиметрах в двадцати над асфальтом и оттуда с мрачным любопытством наблюдал за своим мучителем.

А тот огляделся и направился напрямиком к газону с аркой. Споткнулся о поребрик и рухнул лицом в газон – тут Вика сообразила, что он мертвецки пьян, – но все же сумел подняться и начал собирать крупные каменные обломки, валявшиеся на газоне. Распихал штук пять по карманам обшарпанной ветровки, встал шагах в пяти от висящего мальчика, прицелился...

– Вы что делаете, прекратите! – слабым голосом крикнула Виктория, заставляя себя выползти из тени. Она взмахнула смартфоном. – Я в полицию уже позвонила!

Но у типа оказалась просто звериная реакция: он рванулся к девочке, одной рукой зажал Вике оба запястья, другой вырвал смартфон. Едва не теряя сознание от ужаса, она увидела совсем рядом его глаза, свирепые, воспаленные, с расширенными зрачками. Алкоголем от него не пахло.

Размахнувшись, он запустил телефоном в висящего мальчишку, гаджет врезался в стену над самой его головой и рассыпался на удивительно много мелких частей. Некоторые запутались в темных густых волосах мальчишки.

– А ну пошли со мной! – Он схватил девочку так, что ее голова оказалась у него под мышкой, и потащил. Вика, вжатая лицом в его бок, ничего не видела, лишь ощутила сильнейший удар по обеим голеним, наверное, об ограду газона. В нос шибал запах немытого тела, прокуренной грязной материи. Наверное, она потеряла бы сознание, если бы через миг ее не поставили на ноги. Открыв глаза, Вика обнаружила, что стоит напротив подвешенного мальчика. Только подумала, что кошмар закончился и громила ушел, как тот, стоя у нее за спиной, стал трясти ее и орать:

– Ты его знаешь? Знаешь? А ну говори, где живет! Я его дом ко всем чертям сожгу! Не молчи, убью!

Девочка молчала, лишь старалась в тряске не прикусить язык. Страх она почти не ощущала, на смену ему пришли равнодушие и чувство обреченности. Если он в самом деле собирается ее убить, то пусть уж поскорее.

– Говори! – ревел лохматый.

– Дебил! – выкрикнула Вика самое сильное в ее лексиконе бранное слово.

Тот перестал ее трясти, крутанул, поворачивая к себе лицом.

– А ну-ка повторила, – велел вроде как спокойным, но оттого еще более страшным тоном.

– Дебил.

Про себя Виктория знала: если ее довести, то потом уже не остановишь.

Мощная оплеуха едва не оторвала девочке голову.

– А теперь...

– Дебил! – выкрикнула она, не дожидаясь конца его фразы.

Страшный человек занес руку для нового удара, но почему-то медлил, словно прислушивался, потом с утробным мычанием помотал головой.

– Отпустил ее, живо! – вклинился еще один мужской голос.

Лохматый вскинул голову, оскалится, но вдруг выпустил девочку и бросился прочь со двора каким-то странным зигзагом, размахивая на бегу руками, будто пытался взлететь. Кто-то пронесся мимо Вики следом за ним, и почти сразу же другие руки подхватили ее, поддержали, взволнованный голос спросил:

– Милая, что он тебе сделал?

Голос был знакомый, и лицо женщины Вика вроде узнала, только от потрясения вспомнить никак не могла. И отвечать не могла, лишь икала и втягивала в себя воздух.

Женщина поддерживала ее за плечи и гладила по голове, а между тем мальчик на крюке расстегнул на себе куртку и ловко выскользнул из нее. Попрыгал, сдернул куртку с крюка и снова надел. Невозмутимо осмотрел свои кроссовки, потопал ногами, избавляясь от налипших комьев грязи, и пошел к выходу со двора. По пути он все же бросил короткий взгляд на Вику – она как раз особенно громко икнула, – пожал худенькими плечами и буркнул сердито:

– А кто просил вмешиваться?

После чего, гордо вскинув голову на цыплячьей шее, мальчишка покинул поле недавнего боя. От такой отповеди девочка сразу пришла в себя, перестала икать и оглянулась на женщину. Теперь-то она узнала Лизу, кошачью маму из кафе «Четыре лапки». Тут как раз вернулся во двор крепко сбитый блондин с воинственно блестящими глазами. Сказал огорченно:

– Не догнал. Обдолбанный, гад, а бегаёт шустро. В полицию звякнул, пусть дальше сами ловят. Ты как? – обратился он к Виктории.

– Нормально.

– Ой, ты же Вика? – всплеснула руками Лиза.

– Ага.

– Ты что тут делаешь в такую рань? Пришла насчет котят узнать? Так они еще не родились.

– Нет. – Девочка глубоко вздохнула. Лучше прямо сейчас исправить вчерашнюю ошибку. – Простите, но я не смогу взять у вас котенка. У меня... проблемы в семье. Я даже не знаю, где теперь буду жить.

Прищуренные глаза мужчины скользнули по ней, по раздутому рюкзаку:

– Ты часом не из дома бежать надумала? – поинтересовался он.

– Нет. Ну то есть в каком-то смысле...

У Вики всегда было плохо с враньем, лицо не то что краснело – бурело. И щеки, и лоб, и подбородок. Она попыталась объяснить, не вдаваясь в подробности:

– Я взяла вещи на несколько дней, но собиралась ходить в школу. Надеюсь, что родители мне позвонят и мы все обсудим. А теперь...

Она бросила растерянный взгляд на обломки смартфона. Мужчина присел на корточки и стал собирать их в одну кучку, а женщина сказала:

– А теперь пойдем к нам. Сколько тебе до школы времени осталось?

– Час примерно.

– Ну и здорово. Приведешь себя в порядок, напоим тебя чаем с вкусняшками. Да, и не забудь поблагодарить наших котиков: это они тебя выручили.

– Как? – широко распахнула глаза Виктория.

– А так. Мы с Русланом делали влажную уборку, коты дисциплинированно запрыгнули на подоконники, чтобы не мешать. Вдруг мы заметили, что они волнуются, мявкают, даже лапками стучат по стеклу. Выглянули – а тут такое.

– Нашел! – Руслан поднялся на ноги, с торжеством демонстрируя зажатую между пальцами симку. – У нас вроде валялся где-то старый аппарат, временно вставишь в него и будешь на связи.

Вика улыбалась и кивала, но с места не трогалась, пока Лиза не спросила:

– Ну ты чего?

– А вы могли бы не расспрашивать, что случилось у меня дома? – взмолилась девочка. – Мне очень не хочется говорить об этом, а врать я не люблю.

Лиза молча обняла ее, а Руслан только хмыкнул и распахнул неподатливую дверь:

– Заходи, правдолюбка. Можешь вообще рта не раскрывать, мы с Лизкой привыкли заботиться о бессловесных созданиях.

* * *

Мальчик шел по улице и все топал и топал ногами, пытаясь очистить кроссовки. Наконец стали видны сильно ободранные задники – следствие того, что его проволокли по асфальту, – но мальчишка не особо огорчился. Весело насвистывая, он свернул с пешеходки на одну из боковых улиц, а с нее – в квадратный дворик, зеленый и тихий. По периметру двора стояли почти вплоты друг к другу три двухэтажных домика из белого кирпича, в палисадниках перед ними прощально пламенели астры. Четвертую сторону прикрывала гряда гаражей.

Двор в ранний час пустовал, только у одного подъезда маячили две женские фигуры. Они бросились к мальчику, одна – стремительно, вторая – с заметным трудом, прихрамывая и держась за грудь.

– Маго! Что случилось, куда ты убежал? – Мать первая схватила мальчишку за плечо. – Мы с бабушкой не знали, что и думать! Отец был очень сердит, он ждал тебя за столом, чтобы позавтракать всей семьей.

– Да так, прошелся, – независимо пожал плечами мальчик.

– Прощелся?! А что это бабушка видела в окно, как ты бежал за каким-то взрослым мужиком и швырял в него камнями? Ты понимаешь, что он может вернуться сюда с полицией?

– Не вернется, его самого теперь полиция ловит, – утешил мать юный Магомет.

Та, ловя воздух открытым ртом, молча разглядывала испорченные кроссы и наполовину оторванный воротник куртки. Подросла, тяжело дыша, бабушка, без слова упрека обняла внука. Вот тут Маго в самом деле огорчился и решил прояснить ситуацию:

– Я увидел в окно, как этот гад кидался камнями в собаку. В нашу дворовую Жульку, а она всем доверяет, даже не поняла сперва, что надо давать деру! Он мог ее убить! Я выскочил и тоже в него камнем бросил. В общем, погнал со двора.

Магомет умолчал о собственной досадной оплошности: он слишком увлекся погоней, не сообразил, что тип затаится за гаражами и уронит его на землю с помощью банальной подножки.

– А потом, похоже, роли поменялись, – подсказала ему бабушка.

– Типа того. Но все обошлось, абики, сама видишь! – Маго взволнованно вглядывался в бледное лицо бабушки, или абики, как он привык ее называть.

– Ладно, пойдем в дом, бабушке нужно немного полежать перед работой, – поспешила сказать мать.

Мать звали Танзиля, она была маленькая и хрупкая, так что со спины ее часто принимали за девочку. Вот только у девочек редко бывают такие лица: грустные, с вечной печатью заботы и затаенного страха.

Танзиля взяла сына повыше локтя, чтобы опять куда не сбежал, и повела к дому, не забыв полусшепотом предупредить:

– Отец уже ушел на работу.

Мальчик беспечно передернул плечами, давая понять, что это ему без разницы.

– Ах, Маго! – вырвалось у женщины полусшепотом, она не хотела, чтобы слышала идущая за ними бабушка, ее свекровь. – Неужели ты совсем не боишься отца? В последнее время он очень тобой недоволен.

– Ну так и я тоже им недоволен, – скривился мальчик. – И нет, не боюсь. Я вообще никого и ничего не боюсь, я ведь говорил уже.

– Перестань, хватит этой бравады! – рассердилась Танзиля. – Все чего-то боятся. Или кого-то.

Она судорожно вздохнула, выдавая застарелый трепет перед непредсказуемыми вспышками гнева и раздражения у мужа. Уходя, он обещал сурово разобраться с сыном по возвращении домой, а такие обещания он обычно держал – в отличие от всех прочих.

Глава 7

Английская трагедия

Эдуард Редкий закончил работу позднее всех, когда адвокатская контора «Доброхот» уже опустела, даже исполнительная девочка Света покинула ресепшен, предварительно от души погрохотав ящиками стола. Кажется, после двух недель ожидания она окончательно утратила надежду, что новый симпатичный сотрудник как-нибудь пригласит ее посидеть в кафе после работы.

Понедельник у Редкого выдался загроможденный, клиенты шли нервные, напуганные и заранее убежденные, что все, включая молодого юриста, жаждут их обмануть, запутать, обобрать до нитки. Пока Эдуард в этой фирме стажер, ему будут сливать самые тухлые дела, это обычная практика. А ведь полгода назад в Питере все было иначе... да что теперь вспоминать.

Он старательно проверил, не остался ли где зажженный свет, и запер офис. Прохладный воздух, несущий крупинки дождя, слегка взбодрил его, только жаль было прощаться с летом. Эдик посмотрел на часы и задумался: что там у Эллы, дежурит она или нет? Вчера говорила, что могут вызвать на замену, многие санитарки болеют или еще не вышли из отпуска. А может, просто не хотела встречаться? Ладно, нужно попробовать ей позвонить.

Но стоило ему коснуться мобильного, как тот затрещал сам. Редкий глянул на экран и тут же простился с надеждой на приятный вечер.

– Слушаю, Антон.

– Привет. – Судя по голосу, Кинебомба смертельно устал и едва шевелил губами. – Отработал уже? Я в городе. Подваливай в штаб, все уже здесь. – И отключился.

Эдуард тут же сменил направление, теперь его путь лежал в сторону железной дороги. Мысли сослаться на усталость после загруженного дня даже не возникло. К тому же если Элка сегодня свободна, то скоро он ее увидит.

Штабом Антон называл добротный старый дом, который унаследовал от своих бабушки с бабушкой. Тот стоял на отшибе сразу за переездом, в районе под названием Загвоздка. Сам Антон последние годы жил в Питере, но и дом не простаивал: они встречались здесь время

от времени вот уже десять лет, с тех пор как в городском парке были обнаружены четверо подкидышей. Точнее, собираться начали уже в разгар осени, после того как все документы по делу найденных вдруг были изъяты и власти начали старательно делать вид, что никаких голых детей на берегу Белого озера никто никогда не находил, а кто считает иначе, тому стоит проверить голову. Даже в интернете все упоминания таинственным образом испарились.

Тогда их было около двадцати человек – тех, кто дежурил в одну из ночей в парке, помогал с организацией этих дежурств или работал в парковой охране. Редкий уже и не помнил, кто тогда придумал название их тайному обществу – «Апофеты»¹. Теперь же оставалось только шесть человек. Остальным просто надоело, или переехали, или у них появились другие дела. Ведь целых десять лет ничего не происходило, подкидыши – трое, которых удалось не упустить из виду, – росли кто в детском доме, кто в приемных семьях. Удивительным казалось лишь то, что эти дети-маугли сумели в короткие сроки догнать своих ровесников, научиться разговаривать и делать все, что положено в их возрасте.

Непосвященный, попав в штаб, мог бы подумать, что здесь обитает большая семья с культом собственных детей. Фотографии двух девочек и одного парня в разных возрастах занимали все стены. Человек внимательный мог бы заметить, что часть фотографий сделана явно без ведома тех, кого снимали на улице, во дворе, на фоне школы. В серванте советских времен на полках за стеклами стояли папки-регистраторы и тщательно перевязанные выцветшие коробки. В центре облезлого стола теснились шесть чашек, коробка с чайными пакетиками и сахарница. Чай по старинке кипятили на плите, боялись за ветхую проводку. На столе уже был установлен ноутбук, повернутый монитором так, чтобы видеть изображение могли все сидящие за столом.

Первым делом Редкий нашел взглядом Эллу – он всегда видел ее первой, в любой толпе и с любого расстояния. Она сидела в торце стола рядом с подругой Соней, что-то с ней обсуждала, между делом спокойно и доброжелательно улыбнулась Эдику. Как будто все между ними было нормально или же вообще ничего не было.

Эдуард тоже ей улыбнулся и подошел к Антону. Друзья обменялись рукопожатием, а потом и крепко обнялись после разлуки длиной в месяц с лишним. Кинебомбе было едва за тридцать, но иногда он выглядел почти стариком, и сегодня выдался как раз такой день. Лицо его от усталости потемнело и заострилось, горбилась худая до невозможности спина. Еще двое мужчин неприметной внешности и неопределенного возраста рылись в папке с документами. По иронии судьбы звали их Борис и Глеб. В родстве они не состояли, но крепко дружили и даже работали вместе где-то в охране.

С появлением Эдуарда все спешно расселись по местам – ясное дело, голодные после работы, а у Антона чаю не допросишься, пока не будет покончено с официальной частью.

– Рассказывай, Глеб, – глянул Кинебомба в сторону одного из мужчин.

– Состоялся контакт, – с готовностью сообщил тот. – Вчера в интервале между шестью и семью вечера Понедельник познакомился со Средой. И даже, кажется, подружился. Встреча выглядела стопроцентно случайной. У мальчика это был первый выходной день в новом городе, он гулял аж с двух часов дня. Сперва долго бродил по парку и, что удивительно, в конце концов вышел к островку, ну тому самому, вы в курсе. Стоял, думал о чем-то, потом вдруг отправился напрямик к месту, где ты его, Эд, тогда схватил. Я просто обалдел...

– Нечему удивляться, – хмурясь, перебил его Антон. – У парня фотографическая, абсолютная память. Он помнит все, что когда-либо читал, видел, слышал.

– Вот поговорить бы с ним напрямки, – аж застонал Борис. – Он же может помнить, что с ним делали в детстве, как растили, как в парк подбросили.

Но Кинебомба дернул головой:

¹ Апофеты – ущелье в горах, куда, по древнегреческим преданиям, спартанцы сбрасывали слабых и больных младенцев.

– Не совсем так. Я советовался с психологом, сам кое-что потом читал. В то время мальчик не владел речью, не имел контактов с миром, его мышление оставалось неразвитым. Так что о том, что с ним происходило, он может рассказать не больше, чем младенец о совершенном на его глазах преступлении. Однако, если в глубине его памяти действительно хранятся картинки-воспоминания тех лет, это могло бы быть нам очень полезным. Но пока – вы помните – любые близкие контакты с детьми под запретом.

Редкий взволнованно внимал каждому слову, но смотрел не на докладчика, а на фотографию Платона-Понедельника в возрасте десяти лет, приколотую на стену как раз на уровне его глаз. Мальчик на ней улыбался уголками губ, но глаза оставались серьезными и спокойными. Редкий сам переснял эту фотку со стенда отличников в детском доме. Для него это были трудные годы: тогда он несколько раз пытался усыновить или оформить опеку над найденным, пошел ради этого на такой шаг, который, кажется, навсегда разрушил их с Эллой отношения, но все усилия оказались напрасными. А потом его отыскал Антон и убедил помогать мальчику иным способом.

– Девочка в это время в котокафе с кошками тусовалась, – перенял у друга эстафету Борис. – Прямо оторваться от них не могла. Потом опомнилась, заспешила домой и, выбегая, дверью сбила парня с ног. Прилично так приложила. В результате она же и плакала, а он ее всячески утешал. Дворик маленький, подойти и хоть что-то подслушать невозможно. Я давно говорю, пора нам шпионской техникой обзаводиться, без нее никак...

– Дальше! – рявкнул Кинебомба.

У Бориса покраснели лоб и уши. Обиженно сглотнув, он коротко подытожил:

– А дальше темнеть начало, и они, как хорошие детки, по домам разошлись. Ну а утром в понедельник...

– Утром, – вернул себе эстафетную палочку Глеб, – Борька наблюдал за Пятницей, первый день в новой школе все-таки. А мне не разорваться же было: выбрал пацана. Виноват, ошибся.

– Что такое? – напрягся Антон.

Вскочив на ноги, он немного подался вперед, готовый коршуном спикировать на добычу. Глеб сердито поежился на стуле, и Эдик раздраженно подумал, что скоро из шести человек останется только четверо, а то и трое.

– Не, ну я вообще-то хотел сперва его в школу проводить, потом метнуться к Среде, она по расписанию шла ко второму уроку. Ждал во дворе в обычное время, но не дождался. Думал, может, заболела, тем более что ее отец как по часам в свою клинику заявился и озабоченным не выглядел. Но я все же проверил: зашел к приятелю в компьютерный магазин напротив дома, попросил посмотреть записи с камеры, смотрящей на двор, типа собачку ищут. И стало мне ясно, что девчонка еще в начале седьмого утра пронеслась через двор с раздутым рюкзаком за плечами.

– Побег? – забеспокоился Редкий.

Глеб выразительно развел руками.

– Если это первая попытка, то я просто поражаюсь долготерпению девочки, – тихим, но звучным голосом вступила в разговор Элла Котенок. – Она десять лет верила в то, что ледяную глыбу можно растопить огоньком спички.

– Так мы не знаем, где сейчас девочка? – испуганно спросила ее соседка за столом, тихая и внешне совершенно неприметная Соня.

– Теперь уже знаем, – поспешил утешить девушку Глеб. – Я обнаружил ее в том же самом котокафе уже в учебное время. Сидела на плюшевом диванчике, одной рукой гладила котика, а другой прижимала предположительно пакет со льдом к заплывшему глазу и синяку на скуле. Также у нее разбиты колени, ноги сплошь в ушибах и царапинах. Хозяйка кафе, муж и жена,

заботились о ней, пока не появился этот зубной техник и не увез девочку домой. Но что с ней произошло, пока непонятно. Одно скажу – из дома она вышла без этих украшений.

– Нужно обязательно выяснить, что с ней случилось, – тонким голосом проговорила Элла. Такой голос был у нее признаком высшей степени волнения.

– Слушаюсь, шеф, – съязвил Глеб. – Фотки показать? Я потихоньку сделал.

– Не надо, – махнул рукой Кинебомба. – Позднее. Так, ладно, а что Пятница? Как ее встретили?

И все заинтересованно повернулись к Борису.

– В счастливую пору детства моих родителей в школу мог прийти любой и при желании жить там целую неделю, никем не замеченный, – пространно начал тот. – Но те времена всеобщего доверия давно миновали, и в школу меня, мужчину в расцвете сил, бездетного и без документов, почему-то не пустили. Даже школьный двор попросили в темпе покинуть. Могли лишь сказать, что в гимназию девочку провожал брат, он же встретил после уроков. Полагаю, ее интересная особенность еще не дала о себе знать, наша пышечка выглядела спокойной.

– Я начну работать в школьной столовой только в среду, флюорография еще не готова, – сильно краснея, подала голос Соня.

– Эх, боюсь, пропустишь самое интересное, – сказал ей Борис. – И старайся не слишком завидовать, помни: бедняжка Пятница своему дару совсем не рада.

Над столом повисло молчание. А потом снова не выдержал Редкий:

– Антон, ты зачем нас собрал-то? Это и по скайпу можно было обсудить, позднее вечером. А пока все силы бросить на то, чтобы выяснить, что там со Средой, то есть с Викторией. Или ты все же про свою поездку планировал нам поведать?

Кинебомба молчал, блуждал угрюмым взглядом по фотографиям детей.

– Да, босс, рассказывай уже, мне на смену в ночь, – поторопил и Глеб, смачно зевнув.

Со своей карьерой будущего следователя Кинебомба попрощался после того, как частично выкрал, частично скопировал документы по найденным уже в период их поспешного изъятия. Повезло еще, что не распростился со свободой. С тех пор он на жизнь зарабатывал непонятно чем. Официально нигде не работал, все свое время посвящал делам таинственным и не до конца понятным даже членам «Апофетов». Прежде, когда дети еще жили в разных городах, за ними приглядывали эпизодически. Больше времени посвящали поискам пятого малыша, хотя никто не был уверен, что он вообще существовал, не сомневался только Антон. Не удалось проследить судьбу и второго мальчика, которого обнаружил Эдик, – его слишком быстро увезли тогда из города, а куда определили, установить не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.